

Мэрилин
Монро,
принцесса
Диана

Боль любви

Принцесса Диана

**Боль любви. Мэрилин
Монро, принцесса Диана**

«Яуза»

Диана П.

Боль любви. Мэрилин Монро, принцесса Диана / П. Диана —
«Яуза»,

ISBN 978-5-9955-0777-2

Два супербестселлера одним томом. Трогательная исповедь самых прекрасных женщин XX века. Сердечные тайны и сокровенные секреты Мэрилин Монро и принцессы Дианы, поведенные ими самими. Этих божественных женщин обожал весь мир, по ним сходили с ума толпы поклонников, их боготворили миллионы мужчин, их идеальные лица не сходили с экранов, ими восхищались, им завидовали... Но, оказывается, даже неотразимые красавицы тоже плачут – и главный «секс-символ» Голливуда, как и самая знаменитая принцесса на свете, были несчастливы в личной жизни, страдали от разбитого сердца и погибли от любви. Откройте эту уникальную книгу, вслушайтесь в живые голоса Мэрилин Монро и принцессы Дианы, загляните в душу самым красивым и желанным женщинам XX века, которые заслуживали счастья, но познали лишь БОЛЬ ЛЮБВИ!

ISBN 978-5-9955-0777-2

© Диана П.

© Яуза

Содержание

Мэрилин Монро. Страсть, рассказанная ею самой	6
От издательства	6
Верните Норму Джин!	8
Детство	10
Миссис Догерти	18
Голливуд	36
Цена карьеры	48
Мэрилин Монро	59
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Боль любви. Мэрилин Монро, принцесса Диана

© ООО «Яуза-пресс», 2015

Мэрилин Монро. Страсть, рассказанная ею самой

От издательства

Несколько лет назад в Аргентине умер 97-летний Генри К. Уолтер, в 50—60-е годы живший в США и занимавшийся психотерапевтической практикой.

Наследники не сразу разобрали архив Уолтера, а обнаружив среди бумаг коробку, в которой вместе с бобинами магнитофонных пленок лежали рисунки и какие-то записи самого Генри, едва не выбросили, посчитав неинтересной. Только желание одного из правнуков проверить, работает ли старый громоздкий магнитофон, спасло бесценный материал от уничтожения.

На пленке тонкий женский голосок, несколько сбивчиво, взволнованно и не всегда внятно рассказывал о себе... Прозвучавшие знакомые имена «Фрэнк Синатра», «братья Кеннеди», «Артур Миллер»... заставили прислушаться, а потом и прочитать вырванные из дневника Уолтера листы, которые объяснили многое.

С трудом поверив, что это голос Мэрилин Монро, повествующей о своей жизни, сомнениях, душевных терзаниях, несоответствии ее внутреннего состояния любимому всеми образу сексапильной Блондинки, наследники решились отдать пленки на восстановление.

Немало времени прошло, пока записи были расшифрованы (не все удалось восстановить) и обработаны, еще больше, прежде чем дано согласие на их публикацию.

Одна из пленок стерта либо испорчена намеренно, именно на ней говорилось о братьях Кеннеди и Фрэнке Синатре. Неизвестно, кто предпочел удалить информацию – сам Генри Уолтер или его наследники, не желая привлекать излишнее внимание к записям, но того, что осталось, достаточно, чтобы понять: Мэрилин Монро вовсе не была пустой блондинкой, какой ее долго представляли Голливуд и средства массовой информации. Примечательны собственные слова Мэрилин: «Цвет волос не признак ума или глупости, глупо то, как меня воспринимают. Сначала проецируют на мое тело свои сексуальные фантазии, а потом меня же за это осуждают».

Вот каким текстом магнитофонные записи сопровождал в дневнике сам Генри Уолтер:
«Я увидел Ее на берегу, на самом краю пирса, явно готовую шагнуть вниз в беспокойное море. Женская фигурка сиротливо стояла, кутаясь в просторный черный плащ...

Один громкий оклик, и она делает этот шаг. Первое, что пришло в голову, – взяться за трубку. Нелепое занятие – пытаться прикурить на холодном осеннем ветру, но ничего другого у меня просто не было, зато удалось поинтересоваться достаточно спокойно:

– Что-то случилось?

– Я потерялась...

Голос растерянного ребенка, хотя передо мной красивая взрослая женщина. В ней было что-то неуловимо знакомое...

– В городе?

Трубка, конечно, не раскуривалась.

– В жизни.

– Это серьезно... Вы не хотите уйти с ветра, здесь невозможно курить.

Она послушно поплелась следом в ближайший бар. Мы сидели и молча пили пиво. Иногда лучше помолчать. Когда женщина вдруг начала говорить, тихо и сбивчиво объясняя, что она не такая, какой ее воспринимают, что вторая выдуманная совсем вытеснила настоящую, я

уже понял, кто передо мной. Черный парик, просторный плащ, отсутствие макияжа... но это была Мэрилин Монро!

А судя по тому, что она взволнованно бормотала, женщине нужно всерьез выговориться. Но ни отправиться к ней, ни пригласить к себе, ни выслушивать ее рассказ в баре я не мог. Еще немного, и остальные тоже поняли бы, кто это. Решение пришло неожиданно, я вырвал листок из записной книжки и протянул со словами:

– Вот здесь нарисуете себя настоящую...

– Я не рисую.

– Вы просто не пробовали. Мне все равно, что это будет, хоть один нос или лошадиная задница, все, что придет в голову. Попробуйте вспомнить время, когда Вы были сами собой. Свое детство, например, тогда уж точно никто не пялился на Вас масляными взглядами.

Она послушно протянула руку:

– А потом принести Вам для анализа моего состояния?

– Много общались с психотерапевтами? Я не буду анализировать. Вы нарисуете это дома, спокойно сидя в одиночестве. Просто расслабьтесь и возьмите в руки карандаш. А еще лучше вдобавок включите магнитофон и все расскажите.

– О себе?

– О том, что вспомнилось из-за рисунка. Встретимся, когда будете готовы. И не рассказывайте на каждом углу о нашей встрече и о своей потере тоже. Вот мой телефон. Я Генри. До свидания, Мэрилин.

– Вы меня узнали?!

– Вы действительно слишком много набрались от своей роли. Не замечаете, когда начинаете играть, тогда не узнать Вас просто невозможно. Даже под черным париком.

Мы встречались не раз, она приносила рисунки, бобины с пленкой и ничего не спрашивала обо мне, видно, так легче. Я не слушал эти записи, понимая, что если услышу, что-то неуловимо изменится, она будет зависеть от меня, от моей оценки. Кажется, она это понимала и потому доверяла все больше.

А потом пришла пора мне уезжать, а у нее все еще продолжался разлад с самой собой. Однако у Мэрилин был психотерапевт, помощники и наставники, и она совершенно не слушала мои советы. Мэрилин умоляла не уезжать, не бросать ее.

Но я уехал, не мог не уехать, это зависело не от меня, а когда узнал о гибели звезды, понял, что должен был остаться и даже ценой собственной жизни спасти ЕЕ.

Это мой извечный грех – ЕЕ гибель».

Верните Норму Джин!

Док (можно я буду обращаться к Вам так?), я выполнила Ваше задание – нарисовала себя совсем маленькой и попыталась вспомнить, с чего все началось.

Вы никогда не боялись зеркал? Вернее, не боялись своего в них отражения?

Понимаете, люди почему-то точно уверены, что видят в зеркалах самих себя. А как можно быть уверенным?

Я всегда любила зеркала.

А теперь ненавижу.

Все из-за того вечера...

Испытанное потрясение огромно, становится жутко при одной мысли об увиденном – в зеркале... не было моего отражения! Там, привычно улыбаясь, стояла мечта миллионов мужчин всего мира Мэрилин Монро, ослепительно красивая, с идеальным телом, глазами с поволокой и приоткрытыми, словно для поцелуя, губами... Но там не было Нормы Джин Бейкер! Совсем не было. Моя роль окончательно заслонила меня. Это так страшно...

Осколки зеркала разлетелись вместе с осколками брошенного в него стакана.

Ни один психоаналитик так ни черта и не понял! Они по Фрейдю вытаскивали из меня мое детство или, наоборот, меня из моего детства. А вытаскивать надо Норму Джин из Мэрилин! Или каленым железом выжигать во мне эту чертову красоту!

Уэкслер удивлялся, что я рассказываю о событиях в третьем лице: «Мэрилин сказала... Мэрилин подумала...» А как иначе? Я и впрямь рассказывала о Мэрилин, а не о Норме Джин. Мой спаситель Ральф Гринсон даже не знал, что меня зовут именно так.

Смешно, психоаналитик не знал ГЛАВНОГО.

Норма Джин и Мэрилин не одно и то же, но всем нужна эта БЛОНДИНКА, и я никак не могу ее победить. Пусть бы существовала на экране или на публике, однако она захватила всю мою жизнь! Благодаря ей я очень многое приобрела, но еще больше потеряла.

Однажды я целый вечер провела в обнимку с телефоном, но, тсс... об этом никому нельзя рассказывать – упекут в психушку.

Набирала номера наугад, если отвечал мужской голос, представлялась репортером дамского журнала и спрашивала, с кем они хотели бы переспать, если могли выбирать любую женщину в мире, включая английскую королеву. На листе двадцать одна галочка – столько удавалось опросить. Звонков было больше, но нашлись те, кто просто послал к черту. Два человека сказали, что ни с кем, один назвал свою жену (подозреваю, та просто стояла рядом и слушала), остальные ответили: «Мэрилин Монро».

Десять лет назад я визжала бы от счастья, потому что все мужчины мира хотят меня! Сейчас знаю, что не меня, а ту самую роскошную блондинку с приоткрытым ртом и глазами с поволокой, которая поселилась во мне.

Что мне делать, как ее вывести или хотя бы ограничить рамками съемочной площадки? Я не могу никому рассказать об этом раздвоении, даже Гринсону, очень надеюсь, что он поймет сам. Временами, кажется, понимает, даже пытается помочь, но почти сразу выясняется, что понял не так.

Глупости, глупости, глупости!

Но где-то же осталась Норма Джин Бейкер, та, которую превратили в Мэрилин Монро?! Она не могла погибнуть, исчезнуть, пропасть, она где-то есть?

После встречи с Вами вернулась домой, растерянно сжимая в руке помятый листочек в клеточку, вырванный из записной книжки, почему-то казалось, что именно в нем мое спасение. Даже ладони вспотели от предвкушения близости освобождения...

Вы правы, это должно помочь. Я справлюсь, смогу возродить Норму Джин, я не сдамся.

Цвет волос не признак ума или глупости, глупо то, как меня воспринимают. Сначала проецируют на мое тело свои сексуальные фантазии, а потом меня же за это осуждают. Не меня – ЕЕ, просто люди не видят, что нас двое.

Вот почему я все-таки нарисовала картинку и попыталась все объяснить. Вам или себе – не знаю, это даже не важно.

В фильме «Река, не текущая вспять» Мэтт говорит: «Если человек не знает, что ему делать, куда идти, нужно вернуться назад и начать сначала».

Детство

Говорят, в детстве я была очаровательным ребенком – не болела, не капризничала, вовремя спала и хорошо ела. А еще радовалась жизни, не подозревая, что меня едва не придушили подушкой. Честно, честно! Есть маленькая фотография, где я в младенчестве. Там я вот такая – с толстыми щечками и чубчиком.

Правда, видели все это чужие люди, а не моя мама. Глэдис отдала меня в семью Болендеров в двухнедельном возрасте, испугавшись, что не справится с ребенком сама. Потом забрала обратно, потом снова отдала. Я всего этого не помню, но Болендерам за заботу благодарна. У них многолюдно, шумно и по-детски беззаботно, может, я была слишком мала, чтобы замечать проблемы, но ничего плохого за те годы не помню. Там точно жила Норма Джин Бейкер.

У меня есть фотография, на которой мы с мамой где-то на пляже и я совсем маленькая. Мама у меня красивая, даже сейчас после стольких лет психиатрических лечебниц, стольких лет болезни она сохранила остатки былой красоты. Возможно, это кажется, ведь в клинике меня встречает вечно недовольная, раздраженная женщина, не всегда узнающая дочь, но всегда готовая отругать.

Глэдис Бейкер хотела вырастить дочь великой киноактрисой, копией Джин Харлоу, но очень боялась ответственности и переложила ее на других. Оправданием служило то, что Глэдис время от времени ложилась в психушку. Удивительно, она запрещала называть себя мамой («Зови меня Глэдис!»), но отказывалась дать согласие на удочерение другими, поэтому мне пришлось часть детства прожить в приюте и во временных приемных семьях. А мне так хотелось иметь постоянный дом.

Как я представляю свое детство? Вот так, видите – они все вместе, а я одна, всегда одна и отдельно...

Конечно, ко мне относились неплохо, особенно Болендеры, но никто не позволял называть себя мамой! Очень обидно быть ничьей. Я думала, это потому, что я плохая, старалась

быть приветливой и чаще улыбаться. Мне и сейчас кажется, что нужно улыбаться, чтобы нравиться людям...

Скажу по секрету (почему незнакомым людям секреты раскрывать легче?): во мне всегда жило вот это желание быть приятной, никому не надоест, не досаждать, получить одобрение. Наверное, из-за необходимости подстраиваться под жизнь разных семей, чтобы меня не отдали, не прогнали, не выбросили вон, как щенка...

Фрейд прав, все идет из детства. Я и сейчас заискиваю, как безродный щенок, и цепляюсь за каждого, кто может меня приласкать или пнуть ногой, и от всех завишу.

Не помню, заикалась ли с самого начала или это результат испуга.

Мама едва не сунула меня в таз с кипятком, видно желая искупать и просто не сознавая, что не добавила туда холодной воды. Я кричала так, что переполошила соседей, от стресса маме стало совсем плохо, теперь кричала уже она. Меня заперли в дальней комнате, чтобы ничего не видела, но не слышать сумасшедшие вопли и дикий хохот невозможно.

В памяти осталось, что это я позвала на помощь и маму забрали в больницу. Умом понимаю, что она едва не сварила меня заживо, и призыв о помощи спас если не жизнь, то здоровье, но в душе вина: из-за меня маму уперли в психушку. Помешательство в нашей семье наследственное, говорят, в младенчестве меня едва не задушила подушкой бабушка, чудом спасли соседи.

Но бывали и в моем детстве счастливые годы, когда я жила у Болендеров или у мамы случалась ремиссия. Она заботилась обо мне, даже купила в рассрочку дом и привезла туда белый рояль в надежде, что ее Норма Джин научится играть и петь, но пока играла сама, я была слишком мала. Вернее, Глэдис не играла, а просто лупила по клавишам, звуковая какофония помогла ей снова свихнуться и попытаться засунуть меня в кипяток.

Рояль был замечателен тем, что раньше принадлежал Фредерику Марчу. Но его давным-давно не настраивали, у мамы на настройщика денег не было, зато была мечта купить еще два кресла и слушать мою игру, сидя в одном из них.

Став состоятельной, я разыскала и выкупила этот рояль. Где-то есть снимок – мы с роялем, хороши оба, но у белого рояля стоит Мэрилин Монро. А дом забрали за невыплату кредита.

Фотографии тоже помогают вспомнить... Я достала большую коробку, в ней тысячи снимков, и на многих я такая смешная...

Почему-то, представляя рояль, я вспоминаю не звуки (пусть даже какофонию), а грузчиков, которые его доставили. Особенно одного, он был такой огромный, чуть меньше самого

рояля, во всяком случае, тогда мне казалось так. Я думала, что если бы захотел, то он смог бы взвалить эту белую махину себе на спину и понести.

Но он оказался водителем грузовика, развозящего мебель, и ничего не носил! Рояль тащили два довольно хилых мужичка, нанятых мамой на улице. Смешно?

А я все равно вижу рояль у него на спине – большой рояль на спине большого мужчины.

Меня взяла к себе тетя Грейс. Наверное, мы жили бедно, я была слишком мала, чтобы это понимать, но часовые очереди за вчерашним дешевым черным хлебом по двадцать пять центов помню. Тогда я думала, что все живут так же... Грейс – мамина подруга, они вместе проявляли пленки на киностудии, и обе обожали Кларка Гейбла и знаменитую блондинку Джин Харлоу. Грейс тоже мечтала, что я стану кинодивой, она водила меня в кино и все время твердила, что я красавица.

Я так в это поверила, что, когда Грейс уже не смогла меня содержать и отдала в приют, оказаться среди не столь приветливых людей и понять, что ты ничем не лучше других, было особенно тяжело. Увидев слово «приют», я отчаянно цеплялась за Грейс и кричала, что не сирота, у меня есть мама!

Не знаю, как выглядела в то время, фотографий приютских лет нет. Тех, кто имел две блузки, две юбки, заштопанное и уже ношенное кем-то нижнее белье и такие же заношенные башмаки, не завивали, не водили в кино и не фотографировали. У воспитанницы номер 3463 не было фотографий счастливого детства. Чтобы выжить, там надо стать как можно незаметнее и ни на что не жаловаться. Я научилась.

С тех пор я терпеть не могу нижнее белье, даже новое, оно кажется мне уже ношеным.

Потом Грейс нашла работу и забрала меня к себе, снова мы сидели в темном зале, наблюдая, как на экране белокурые красавицы влюбляются в ковбоев или принцев и выходят за них замуж. Наглядевшись экранных страстей, Грейс тоже влюбилась, ее мужу Эрвину Годдарду вовсе не нужна Норма Джин, у него были свои дети. Годдард пил, вместе с ним прикладывалась к бутылке и Грейс. Я вернулась в приют.

На одном из снимков они вместе – голова к голове, такие чистенькие, ухоженные и красивые, у Грейс укладка и шляпка, Док в костюме и при галстук. И трезвый, что бывало все реже. Док – это его прозвище, хотя он вовсе не доктор и никакого отношения к докторам не имел. Грейс навещала меня по субботам, привычно водила в кино и обещала забрать, как только наладятся дела. По ее голосу я понимала, что дела не наладятся никогда.

Меня хотели удочерить, и не раз, хотя детей в таком возрасте берут в приемные семьи редко. Говорят, я была хорошенькой, не знаю, в нашем приюте зеркал не водилось и фотографий не делали. Но мама не позволила, в момент просветления она из больницы не вышла, зато оформила отказ в удочерении ее девочки. Даже когда я сама написала Глэдис письмо с просьбой согласиться и обещанием не забывать ее и помогать, когда вырасту, в ответ получила сплошные материнские проклятья неблагодарной дочери. Неблагодарной дочери пришлось остаться в приюте вместо того, чтобы жить в нормальной фермерской семье на довольно большом ранчо.

В школе на нас показывали пальцем, издевались над одинаковыми блузками и юбками, много над чем, а у меня и над заиканием. Я привыкла помалкивать, а мне так хотелось быть разговорчивой и общаться наравне с остальными! Заика из детского дома, к тому же вдруг вымахавшая, как телеграфный столб! Сейчас у меня рост всего на полдюйма больше, чем был в одиннадцать-двенадцать лет. Одежда мала, всюду углы и никакой миловидности. Какая уж тут Джин Харлоу!

Грейс стало совестно, и она снова забрала меня из приюта, но снова ненадолго, правда, теперь возвращать не стала, а принялась передавать из семьи в семью своих родственников. Тем, кто брал приемыша, пусть и ненадолго, платили – пять долларов в неделю.

На пять долларов, наверное, содержать ребенка невозможно, поэтому я была обузой. Как щенок или котенок, которого подобрали на улице, забыв, что на уик-энд придется уезжать и по делам время от времени тоже. А еще тетушка не выносит запаха животных, поэтому, когда она гостит, щенка лучше подсунуть соседям и на праздники куда-то деть, чтобы гостям не мешал...

Тогда я мечтала, как, став звездой, богатой звездой, обойду все семьи, в которых жила за это время, и всем доплачу до двадцати долларов в неделю за Норму Джин, чтобы они не чувствовали себя обиженными.

Всем заплачу, даже Эллиотам, у которых спала в уголке у самой двери, кушать садилась последней, потому что не было места, а ванну принимала, когда в ней помылись уже все. Пусть знают, что я не жадная.

Почему я не могла жить у Грейс за те же пять долларов, почему она отправляла меня ко всем своим родственникам подряд? Может, если бы платили больше, то подкидыша не возвращали обратно в приют? Меня неотступно преследовала мысль: как стать дорожке? Я даже подрабатывала в приюте мытьем посуды, хотя это тошнотворное занятие, и все же скопила только 20 долларов...

Но для тех, у кого я жила, даже двадцать центов были деньгами, а уж двадцать долларов почти богатство. Это не нищета, но очень-очень скромная бедность.

Не подозревала, что у меня есть собственная сестра Бернис, которая старше на целых семь лет, что они с братом живут у первого мужа нашей матери и меня даже готовы были бы

приютить у себя, если бы знали о беде. Почему Грейс ничего не сказала о первой семье Глэдис Бейкер?! Почему она так легко швыряла меня из дома в дом, не думая, каково быть всегда и во всем последней, отвечать на насмешки девочек в школе: «Из какой семьи ты сегодня пришла на занятия, Норма Джин?» Я не могла огрызаться, наоборот, всем улыбалась и молчала, даже если меня называли «человеческим бобом». Пусть лучше смеются, чем не замечают совсем. Никто не знает, как это тяжело – быть никому не нужной и незаметной, когда ты есть, но тебя нет. Как хотелось иногда крикнуть: «Я Норма Джин! Я есть, и я здесь!»

И все-таки родственники «кончились», однажды меня некому стало забирать, Грейс стоически решила, что возьмет беднягу в свою семью. Удивительно, но Годдард не был против, мы даже подружились с его дочерью Элинор, которую все звали Бебе, я считала ее своей сестрой. Снова был дом, была семья, пусть и приемная, даже была сестра и свой постоянный уголок. Почти счастье...

Фотографии той Нормы Джин у меня были, нас снимали всей семьей, но все снимки у Грейс, ведь это их семья, а я просто подкидыш.

Вы не были подкидышем? Тогда Вам здорово повезло, потому что сознание, что ты ничья и никого не можешь назвать мамой или папой, сильно отравляет жизнь в детстве, даже если в остальном все хорошо. Понимаете, это внутреннее ощущение затаившегося зверька. Я наблюдала за играми детенышей хищников, как бы они ни играли, они всегда настороже. Вот так и ничьи дети, можно улыбаться, стараться быть веселой и всем нравиться, но внутри живет ожидание, что кто-то ткнет в тебя пальцем и скажет:

– Эй, Норма Джин, ты ничья! У тебя нет мамы и папы.

У меня была мама, но она запретила называть себя так, боялась ответственности. И я ничего не знала об отце.

Фрейд прав: у человека все идет из детства. Мое одиночество, как бы старательно я ни прятала его за широкой улыбкой и приветливостью, все равно со мной. Три замужества, множество любовников и никого рядом. Только вот это отражение – Мэрилин Монро. Или это уже я ее отражение?

У нас в классе была Лизбетт, считавшаяся авторитетом, потому что она умела правильно целоваться и у нее был взрослый парень, о свиданиях с которым Лизбетт рассказывала небылицы. Позже я поняла, что действительно небылицы, поскольку закатывать глаза от одних только французских поцелуев смешно.

Меня Лизбетт не любила и звала тощей жердиной с выменем. Это потому, что у меня первой из класса вдруг начала расти грудь. Ни у кого другого, даже у Лизбетт еще ничего не было. У старших девочек была, и они этим страшно гордились. Зато Лизбетт гордилась умением целоваться.

Не поверите, но я радовалась тому, что меня обзывают. Ведь это куда лучше, чем не замечать, правда?

Все равно для меня жизнь у Годдардов казалась вполне счастливой, пусть и не слишком обеспеченной, вернее, совсем не обеспеченной, но я другой не знала. Мы сэкономили на всем, и двадцать пять центов были заметными деньгами, а от десяти долларов приходили в восторг. О кино пришлось забыть, водить на киносеансы двух девочек Грейс уже не могла, расходы и так превышали доходы. Но я все равно помнила Кларка Гейбла и Джин Харлоу.

Однажды в минуту просветления Глэдис показала мне портрет мужчины, чем-то напоминающего молодого Гейбла, и сказала, что это и есть мой отец. Остальное доделало воображение, я стала говорить всем, что моя мама больна, но мой отец Кларк Гейбл, что тоже было поводом для насмешек.

Ван-Нейси – пригород Лос-Анджелеса, а мама и Грейс работали на киностудии, правда, проявляли пленки, но ведь могли же быть знакомы с актерами? Этого оказалось достаточно,

чтобы поверить в свою придумку. Той фотографии у меня нет, я так никогда и не увидела своего отца, хотя позже нашла его. Он отказался разговаривать со своей дочерью даже по телефону, ведь Норма Джин еще не была знаменитой... Я не знаю, действительно ли он похож на Кларка Гейбла. И даже не знаю, действительно ли он мой отец.

Любила меня только тетя Энн. Энн Лоуэр я не забуду никогда. Она не ругала, не кричала, в ее доме и в душе царили любовь и ласка! Что это такое, может представить себе только тот, кто никогда прежде такого не знал. Но тетя Энн была старой и очень больной, потому взять меня к себе не могла. Я просто ходила к ней помогать по хозяйству и отогреваться душой.

Мой любимый снимок, где тетя Энн сидит позади меня, а еще две соседки просто стоят. У нее очень доброе лицо, она и сама очень добрая.

Когда случилась беда, именно к тете Энн я прибежала искать защиту. Это когда пьяный Годдард попытался научить меня тем самым французским поцелуям. Получается, что французские поцелуи сильно повлияли на мою судьбу, потому что обеспокоенная тетя Энн оставила несчастного подкидыша у себя. Жить в доме Годдардов было уже нельзя, он сам часто пил, а Грейс стала смотреть на меня косо. Тогда я этого не понимала, просто испугалась. Куда девать меня, непонятно, пятнадцатилетняя рослая, уже вполне оформившаяся девушка была обузой еще большей, чем пятилетняя девочка.

А Доку Годдарду предложили работу в Западной Вирджинии. Брать меня с собой никто и не подумал, но и оставлять насовсем у тети Энн тоже нельзя.

И Грейс решила, как всегда не спросив меня. Она договорилась с соседкой Этель Догерти о том, что ее сын Джим... женится на мне! Джим – хороший парень, но мне-то всего пятнадцать! Конечно, я была рослой и с приличной для своего возраста фигурой, но Джимми почти на шесть лет старше. Грейс только фыркнула:

– А ты хотела, чтобы он был моложе?

После случая с Годдардом она относилась ко мне так, словно я виновата в поведении ее пьяного мужа.

Выбор невелик – замужество или снова приют. Тетя Энн могла поддержать меня у себя лишь несколько месяцев.

Меня выдали замуж за Джима. Но я расскажу потом, сейчас устала...

Миссис Догерти

Док, можно я буду рассказывать все, что придет в голову? Мне так легче. Я никогда не отличалась последовательностью, а теперь тем более.

Я так много и подробно рассказала о детстве, что даже сама удивилась. Но мне больше не хочется, во всяком случае, не сейчас...

Однажды я уже пыталась рассказать о себе Б. Х., а он все рассказы облагородил и превратил в книгу. И даже не поставил свое имя в качестве автора. Он очень-очень талантливый, даже гениальный, и очень добрый.

Но когда все было готово, я вдруг ужаснулась – вот уж где точно не было Нормы Джин! Х. все написал правильно, даже не знаю, что меня испугало, тогда я не смогла объяснить, что именно, а сейчас вдруг поняла – я отказывалась от Нормы Джин, старалась ее забыть! И, если честно, многое приукрасила. Понимаете, когда знаешь, что это прочитают другие, хочется выглядеть и умнее, и лучше, чем ты есть на самом деле, хочется оправдаться.

Пока смотрела детские фотографии, пришла одна мысль: а ведь на многих видна Мэрилин! Понимаете, она уже была во мне, может, именно ее видела Грейс, когда прочила будущее кинозвезды?

Вы читали «Лолиту» Набокова? Конечно, читали. Помните, как там называли юных девушек, в которых проснулась чувственность? Нимфетками.

Я смотрю на свои фотографии и понимаю, что на них нимфетка. Настоящая нимфетка. Но во мне еще ничего не проснулось, правда, правда. Однако взгляд, позы, какая-то особая аура... Я ничего не чувствовала, никакого ни к кому влечения, улыбалась и смотрела зовущим взглядом бессознательно, но Мэрилин во мне уже проснулась. На меня заглядывались, предлагали поднести книги и пакет с бутербродами, свистели вслед, зазывали, редко кто из молодых людей (и не только молодых) мог спокойно пройти мимо, не обернувшись или не скосив глаза.

Я все это замечала и даже быстро научилась пользоваться. Полуулыбка, зовущий взгляд легко обманывали всех вокруг. Чуть приоткрытые губы появились именно тогда. Получается, что, не сознавая, играла роль сексапильной блондинки. Играла или уже была ею?

Иногда кажется, что два человека во мне жили всегда и сильнее становилась то одна, то другая. Это тоже разновидность сумасшествия, только иная, чем у моей мамы? Я всегда до смерти боялась последовать за ней.

Мое первое замужество было странным, оно не сделало меня несчастной, но и ничего не дало. Единственной положительной стороной оказалось то, что я перестала быть сиротой. Я уже не была ничьей, живущей в семье из жалости. Это я так думала, в действительности же Джим женился, именно пожалев. Этель объяснила сыну, что если меня не взять замуж, то я снова отправлюсь прямиком в сиротский приют до совершеннолетия, а это страшно.

Конечно, я нравилась Джиму, и он мне тоже. Но в таком возрасте ничего не знала о любви и старалась общаться либо с детьми, много меньше себя, либо со взрослыми женщинами, которые не разговаривали в моем присутствии на фривольные темы. В качестве невесты я была совершенным ребенком, даже спрашивала у Грейс, можем ли мы с Джимом, поженившись, остаться только друзьями.

Понимаю, что, рано оформившись внешне, такими вопросами производила впечатление либо полной дурочки, либо настоящей хитрюги, играющей невинность. Кажется, Грейс, помня интерес своего супруга ко мне, больше склонялась ко второму. В ответ было сказано, что вполне созрела для нормальных супружеских отношений, тем более пройдет несколько

месяцев, пока мне исполнится шестнадцать и Джим сможет взять меня в жены, и я успею окончательно повзрослеть.

Конечно, Джим тоже времени зря не терял, он научил меня целоваться уже не по-французски, а по-настоящему, но дальше дело не пошло, он не глуп и прекрасно понимал, что может быть наказан за связь с несовершеннолетней.

На нашей свадьбе с моей стороны была только тетя Энн, Годдарды уже уехали, а Болендеры почему-то не пришли, наверное, не смогли оставить кучу своих приемных детей.

Джим сбрил усы и сразу стал моложе своих лет, на фотографии я выгляжу даже старше его, хотя в действительности мне только исполнилось шестнадцать. Джим хороший, он меня не обижал, напротив, старался немного баловать. Мы сразу сняли квартиру из двух крохотных комнат, чтобы жить самостоятельно, и я принялась воплощать свои мечты о доме и семейном уюте.

Я была очень благодарна Джиму за то, что он избавил меня от клейма сироты, и очень старалась угодить, особенно в постели, просто не представляя, как это сделать.

Я так подробно рассказываю о своем первом браке, который, в общем-то, ничего мне не дал, хотя и не сделал несчастной, потому что он поучителен. Сейчас, пережив уже три брака, которые были разными, могу сказать, что этот первый был самым спокойным и самым крепким, хотя разрушила его я сама.

Это совершенно обычный, очень похожий на тысячи других брак, просто двое начинают жить вместе, спят друг с дружкой по обязанности, рожают детей, работают, чтобы содержать семью, иногда ссорятся, но чаще всего молчат, по вечерам играют в карты, старятся и умирают, оставив дом и долги детям.

Нет, мы с Джимом не ссорились, но молчали. Молча проводили вечера, молча отправлялись в постель... нам не о чем было разговаривать, у нас не было общих интересов. В выходные шли в кино или на танцы, но это быстро прекратилось, потому что наблюдать, как на его жену откровенно глазеют другие, Джим не мог, страшно раздражался.

Школу мне пришлось бросить, туда не ходят замужние женщины. Работать рано, никуда не брали, приходилось сидеть дома, поджидая супруга с работы, в то время Джим работал на авиационном заводе и мечтал о подвигах, как я мечтала о кино. Когда-то Грейс зародила во мне опасную мечту стать звездой экрана, но ничего не сделала, чтобы эта мечта могла осуществиться, напротив, выдав замуж за Джима, совсем перекрыла дорогу к ее исполнению.

Я была не слишком прилежной женой, просто не представляя, как собирать мужу завтрак на работу, как за ним ухаживать, не умела многое. Зато открыла для себя мир книг. Читать любила и раньше, но теперь делала это с особым рвением. Я не умею читать понемногу и вдумчиво, если взяла книгу в руки, то должна «проглотить» ее и не способна заниматься чем-то еще, пока не закончу. Правда, не всегда дочитываю, мне кажется, ни к чему знать, чем же закончится та или иная история, достаточно понять характеры героев, а окончание даже интереснее придумать самой. А еще мне всегда нравились красиво построенные фразы, в которых слово цепляется за слово, складываясь в цепочку и обретая особый ритм. Именно поэтому люблю белый стих и так называемый поток сознания...

Но откуда взять хорошую литературу в доме Догерти? Книги стоили дорого, покупать их никому не приходило в голову, а в библиотеке на полках обычно стояло то, что не представляло особой ценности и читалось легко. Все же наш район Лос-Анджелеса славился вовсе не библиотеками или театрами, а пивными и драками.

Я все равно читала, как потом выяснилось, всякую ерунду, так и не получив представления о настоящей литературе. С ней меня познакомили много позже. Становится обидно, когда понимаю, сколько лет пропало, сколько прочитала книг, которые можно и не брать в руки, и

сколько не успела прочесть! Но прошлых лет не вернешь, я и сейчас очень люблю читать, хотя из-за разных лекарств делать это становится все труднее.

Джима такие интересы юной супруги вовсе не устраивали, он предпочел бы порядок в доме, вкусный ужин, а не жену, отгородившуюся книгой. Сам Догерти не слишком любил чтение, зато не меньше меня мечтал. Джиму очень хотелось отправиться воевать, казалось преступлением, что он сидит дома, а настоящие парни где-то сражаются с врагом. Думаю, Этель Догерти настояла на нашей свадьбе, отчасти надеясь присутствием молодой жены удержать своего сына. Возможно, Джим действительно ушел бы в армию добровольно, он даже пытался это сделать сразу после свадьбы, но я не пустила, вцепившись в него, как клещ. Казалось, если он уйдет, то это навсегда, и я снова останусь никому не нужной.

Работа на авиационном заводе тоже вклад в победу на фронте, но Джим так не считал, ему хотелось подвигов, настоящей мужской дружбы, хотелось на флот. Он часто говорил, что настоящие мужчины только там, на кораблях, где среди бушующих волн чувствуется надежное плечо товарища.

Я была бы не против мужественного, героического мужа, если только для этого ему не пришлось отправляться куда-то далеко. Едва обрета семью и перестав быть одинокой, я не могла оставаться одна, отъезд мужа равносителен предательству.

Джим решил, что останется в Лос-Анджелесе, но станет пожарным.

Но он все равно ушел на флот, и не последнюю роль в этом сыграла нимфетка Мэрилин.

Единственным доступным нам развлечением были танцы по выходным или пляж. Но если для меня это радость, то для Джима любой выход из дома вместе со мной превращался в пытку. Мне вслед снова свистели, отпускали шуточки, зазывали, не обращая внимания ни на демонстрируемое обручальное кольцо, ни на присутствие супруга. Джимми бледнел, краснел и требовал вернуться.

Подозреваю, что ему просто надоела супруга, мало что умеющая дома, но столь привлекательная для других.

А еще он мне изменял, я знаю точно. Все же мы поженились не по страстной любви, и у Джима была девушка – «Мисс Санта-Барбара», очень красивая, красивее меня. Муж часто пропадал по вечерам, а то и ночью, отговариваясь приятелями, которых тоже было немало, но я знала, что он с женщиной. Потом однажды получила подтверждение... Но что я могла – потребовать верности, развестись? Джим дал бы мне развод, ему уже не столь нужна наша семья, куда проще одному, хотя относился муж ко мне хорошо.

Развод не могла допустить я сама, потому что это означало бы снова одиночество и ненужность. К тому же мне просто некуда было идти! Годдарды уехали, тетя Энн очень больна, работы нет, мама в больнице... Но я не столько боялась, что негде и не на что будет жить, сколько того, что и эта семья отказалась от меня! Чем больше я цеплялась за Джима, тем больше ему хотелось вырваться.

Наверное, я слишком прилипчивая, стараюсь прицепиться к любому, кто хоть как-то выскажет свою приязнь настолько, что хочется оторвать от себя. Может, потому от меня убегают мужья, любовники и даже друзья? Но я не могу иначе, до сих пор боюсь остаться одна. Одиночество – это очень-очень страшно, Док.

Джима призвали в армию, он перебрался на остров Каталина. Я больше всего боялась, что он откажется брать с собой меня. Не отказался, взял, но там не очень много женщин, зато много сильных молодых парней, которые свистели и улюлюкали вслед куда чаще, чем в Лос-Анджелесе. Муж злился и постоянно был мной недоволен: я никудышная кухарка, слишком много внимания уделяю своей внешности, а еще нарочно привлекаю внимание мужчин. Я готова была не выходить из дома, чтобы не привлекать ничье внимание, научиться готовить

лучше всех американских поваров вместе взятых, только бы он не отказывался от меня, но, кажется, не могла удовлетворить его в постели.

Джимми был рад, когда через несколько месяцев его направили служить далеко от дома и Санта-Каталины. Подозреваю, что он сам напросился.

Не оставаться же мне одной на учебной базе? Пришлось перебраться в дом к свекрови. Этель Догерти относилась ко мне прекрасно, жизнь у нее была спокойной и комфортной, хотя тоже не слишком обеспеченной, но я не капризна и не требовательна. Этель устроила меня работать на завод «Радиоплан», где собирали небольшие самолеты-разведчики – наносить лак на крылья за 20 долларов в неделю. Я не одна, но все равно чувствовала одиночество и скучала...

Почему я вдруг стала сниматься для журналов? Уж точно не из-за денег. Хотя и из-за них тоже. Деньги давали некоторую свободу.

Понимаете, Док, я всегда от кого-то зависела, сначала от людей, у которых жила, от Грейс, от тети Энн, от одноклассников, боялась чужого осуждения и даже просто оценки. Потом стала зависеть от Джима Догерти. Семья Догерти относилась ко мне хорошо, Этель – прекрасная свекровь, да и Джим не обижал. Но я была словно довеском в их жизни.

Когда вспоминаю нашу с Джимом семью, понимаю, что ее и не было вовсе. И дело не в изменах, просто Джим женился на мне под давлением и из жалости, он был не готов стать настоящим мужем и главой семьи, а я тем более. Ну какая из меня супруга? Наверное, если бы Грейс не внушала мне мысль о том, чтобы стать киноактрисой и даже звездой, я смирилась бы с положением жены, ждущей мужа из очередного плаванья и прекрасно понимающей, что рогата. Но киноэкран и мечты о карьере вроде Джин Харлоу навсегда вторглись в мое сердце и мои мысли, жизнь просто в качестве миссис Догерти казалась никчемной.

И все равно ничего не изменилось бы, не будь той съемки в цеху. Я работала на авиационном заводе, покрывая страшно вонючим лаком фюзеляжи самолетов. Нет, это не были лайнеры, мы делали маленькие самолеты-разведчики, но какая разница?

К этому времени Джим снова отбыл далече. Я прекрасно понимала, что он должен это делать, потому что служит на флоте, но невольно чувствовала себя брошенной. Меня снова предавали, как щенка, брали к себе и бросали, уезжая.

Я была уже достаточно взрослой и не плакала, однако обвиняла себя сильно. Казалось, что я снова не угодила всем, я не такая, как надо, неправильная, не способна удержать мужа дома. Этель успокаивала, твердя, что Джим давно, задолго до нашей свадьбы мечтал о дальних путешествиях и о море, но легче от ее рассказов не становилось. Понимаете, я снова не соответствовала каким-то требованиям, из-за чего меня бросали. Ведь если бы я была очень хорошей еще до рождения, наверное, отец не отказался бы признать меня своей дочерью. И если бы я была замечательной девочкой, меня не передавали бы из семьи в семью. Вот и теперь я не смогла стать настоящей хорошей женой, без которой муж не смог бы прожить и дня, а потому ему не пришлось бы в голову уйти в море надолго. Я не такая, я неправильная, я недостойна... Я не заслужила.

Вот этот рок – недостойна – висит надо мной всю жизнь. Я НЕ СМОГЛА. Джимми приезжал домой на Рождество, и я очень надеялась, что смогу уговорить его уйти со службы и жить дома постоянно, но Догерти на уговоры не поддался и по окончании отпуска снова отбыл на свой корабль. Муж ушел в море, а я осталась соломенной вдовой. Конечно, можно было бы просто завести себе приятельниц и приятелей, даже любовника, но мне вовсе не хотелось вот так размениваться. И потекла очень нудная и скучная жизнь. Правда, недолго.

К нам на завод приехала группа фотокорреспондентов делать снимки для разных журналов с военной тематикой. Их репортаж должен рассказывать, как девушки в тылу стараются ради победы. В Лос-Анджелесе мало заметно, что идет война, разве изредка видны корабли на

рейде, но это не слишком волновало, к тому же война подходила к концу. В остальном жизнь текла сама по себе. Но мы работали на заводе, который поставлял продукцию для военных, потому о войне не забывали.

Я оказалась в числе тех, кого принялись снимать. Мне всегда нравилось фотографироваться. Обычно перед публикой я смущаюсь, даже сейчас, когда сделаны тысячи моих снимков, сыграно множество ролей, даны десятки интервью и много раз пришлось выступать перед огромными толпами поклонников и даже недоброжелателей, я все равно делаю первый шаг с содроганием, только усилием воли. А тогда смущалась до заикания.

Но, знаете, позировать перед публикой и перед объективом камеры не одно и то же. Когда выходишь к людям, страшно услышать или увидеть сиюминутное неодобрение, понять, что что-то не так, а исправить уже нельзя. А перед камерой иначе: во-первых, ты не видишь будущих зрителей, и можно разговаривать с ними мысленно, представляя себе очень доброжелательную публику. Во-вторых, снимок всегда можно переделать, отретушировать, переснять, в конце концов! И вот когда ты знаешь, что все можно исправить и это зависит только от фотографа (обычно настроенного доброжелательно) и от тебя самой, тогда можно работать спокойно.

Нет, позирование – это даже не работа. Я была перед камерой не просто спокойна, я была раскована от этого спокойствия. Сейчас я понимаю, что тогда еще не было множества придираков со всех сторон, поучающих наставлений, критических замечаний, недовольства, а только просьбы:

– Норма Джин, давай! Ну-ка, детка, повернись другим боком. А теперь улыбнись на камеру так, словно хочешь соблазнить всю Америку сразу!

Я поворачивалась, улыбалась, покоряла. Сначала на заводе, где делались снимки для армии, потом в фотоателье, где меня снимали для журнала (безо всякого эротического налета), потом в модельном агентстве.

Думаете, это просто – едва обретя семью, пусть и с отсутствующим мужем, но все же со свекровью, с домом, которого у меня никогда не было, с родственниками, пусть и со стороны мужа, вдруг все бросить и решиться начать новую жизнь, совсем ненадежную и неизвестно к чему ведущую?

Тогда я не смогла послушать фотографа Конновера и стать настоящей моделью, не была готова. Ведь впервые за всю пусть и короткую жизнь у меня была семья, родственники, готовые меня любить, но одновременно впервые за столько лет у меня были деньги.

Когда на Рождество в отпуск приехал Джим, я смогла себе позволить принять его почти по-королевски, во всяком случае, тогда нам казалось так. Муж уже знал, что я подработала фотомodelью, но не придавал этому значения, правда объяснив, что это ненадолго, как только он придет в следующий раз, мне придется забыть обо всяких глупостях, потому что уже пора подумать о ребенке. Нет, не сейчас, пока рановато, но в следующий раз, пожалуй, будет пора...

Удар! Муж не собирался оставаться дома и становится моей каменной стеной, он снова меня бросал. Никто не смог бы убедить меня, что служба заставляет Джима бывать дома наездами, я воспринимала это как предательство.

Но у меня была еще одна зацепка, я копила деньги для подарков не только Джиму и Этель Догерти, не только для тети Энн и Грейс, но и для... отца! Грейс открыла мне имя моего отца – Стэнли Гриффорд. Это сейчас я понимаю, что все очень неточно, что отцом мог быть вовсе не Гриффорд, у матери было немало поклонников, но тогда показалось, что стоит мне увидеться с отцом и все наладится. Что все? А все в жизни, ведь теперь у меня были сестра, племянники, муж, свекровь, немало родственников и даже отец! Знаете, это может оценить только тот, кто долго-долго был ничьим, никому не нужным, одиноким.

Мир уже не просто улыбался мне, казалось, жизнь расцвела всеми красками. Да, конечно, Джимми прав, он вынужден заработать немного денег, но он вернется, у нас будет ребенок, а мой отец станет счастливым дедом! Я не могла просто так смириться со своей ненужностью никому, даже Джиму. Ничего, он почувствует, что не может без меня и дня, и быстро вернется. Разве может служба на флоте заменить горячие объятия супруги?

Но сначала нужно разыскать отца, Джим должен знать, что женился не на безродной сиротке, которую из жалости пригревали то в одном, то в другом доме. Моя мать больна, а отец просто не подозревал о моем существовании, если бы знал, то наверняка обрадовался. Обрадовалась же сестра!

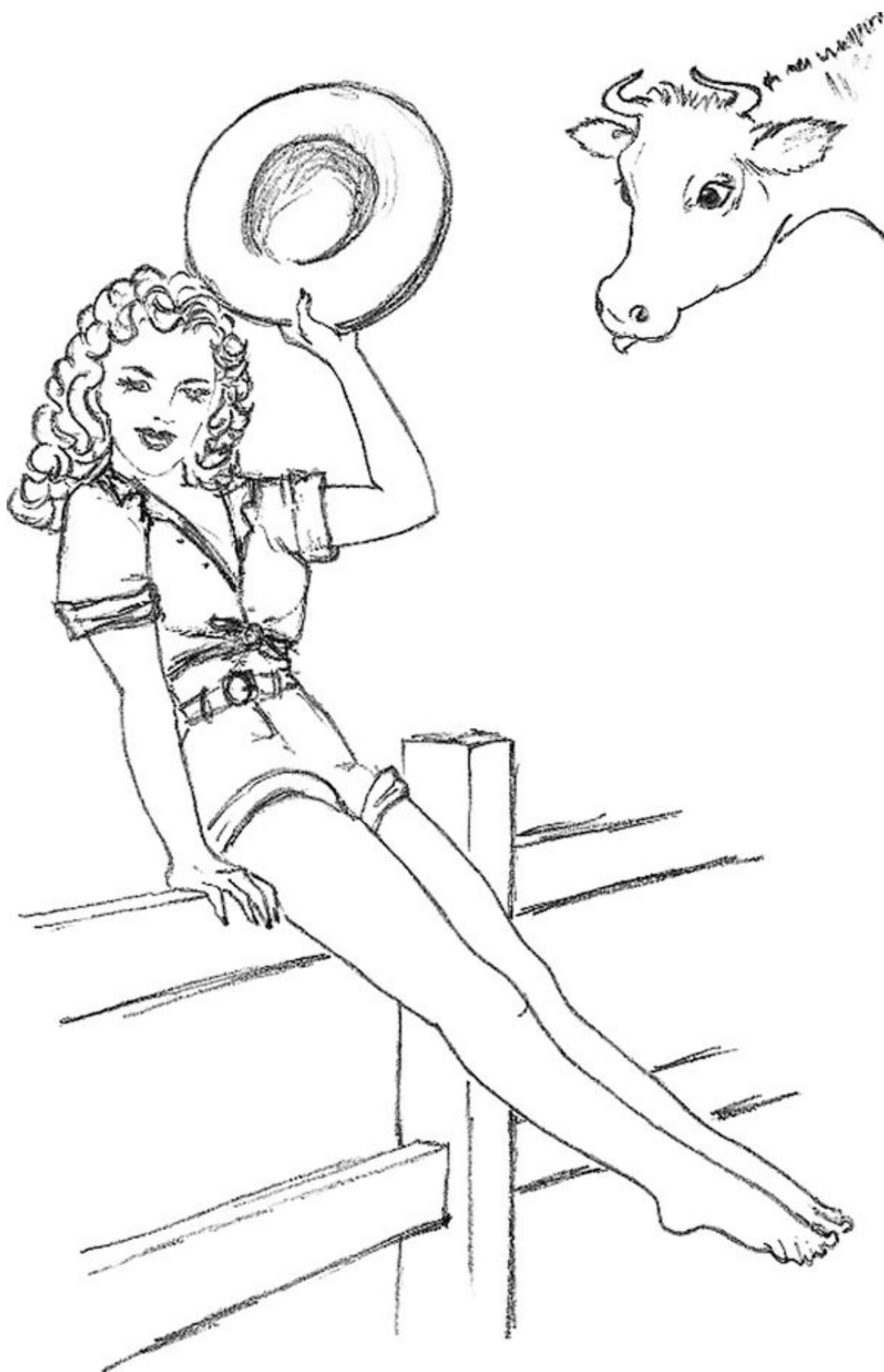
Я сумела раздобыть телефон Стэнли Гриффорда.

Так я представляю себе обрывание крыльев у птицы... Стэнли Гриффорд не захотел разговаривать с какой-то Нормой Джин! А его супруга посоветовала обратиться к адвокату, если у меня есть какие-то материальные претензии.

У меня не было материальных претензий, я просто хотела подарить отцу подарок на Рождество, а еще хотела, чтобы он знал, что я любила его все эти годы, даже когда было очень плохо и одиноко, даже не зная, кто он и жив ли вообще. Мне не нужна материальная помощь, я уже могла зарабатывать сама, мне нужен отец, пусть не рядом, но чтобы он знал о своей дочери, а я знала, что он знает.

Теперь он знал, но не желал этого знания...

У меня снова не было отца, а мой муж сбегал от меня. Даже имея родственников, я снова оказалась никому не нужна, всеми отвергнута. Снова одиночество...

Но и это оказалось не все. Дэвид Конновер, тот самый, что сначала делал мои снимки на заводе, а потом у себя в ателье, пригласил поснимать на природе. Я видела, что Дэвид

неравнодушен, но мне так нравилось фотографироваться и все получалось так хорошо, что я согласилась. Наверное, со стороны это выглядело совершенно неприлично: молодая замужняя женщина разъезжала по всей Калифорнии с молодым же фотографом, иногда ночуя с ним в одной комнате (просто не было других свободных). Конечно, это вызвало бурю негодования со стороны Этель Догерти, какой свекрови понравится такое поведение невестки. Джиму полетели разоблачающие меня письма, но тот остался спокоен, подозреваю, что муженьку было все равно, чем там занимается его жена, он занят своими делами.

Мы сделали большое количество прекрасных снимков, часть которых Конновер опубликовал в журналах, часть подарил мне. Я осознала, что могу стать фотомodelью, хотя Грейс всегда прочила большее.

Но фотомodelями хотят стать тысячи красивых девушек, у многих прекрасные фигуры, многие фотогеничны. Где гарантия, что повезет именно мне?

И все же, когда стало ясно, что выбор невелик – тоскливое замужество или новая жизнь, я решилась.

О, как это было трудно. Полдня я собиралась, красилась и перекрашивалась, меняла одно дешевенькое платьице на другое, переобувалась и снова переодевалась... В результате волосы лежали хуже некуда, дыханье перехватывало так, что и без заикания звука не выдать, колени дрожали, и походка стала совершенно нелепой...

Доведя себя до полной непригодности, я вдруг отправилась в агентство.

Мисс Снайвли оказалась дамой очень тактичной, она не выгнала меня с порога, а попросила пройти. Единственным желанием было вцепиться в край стола и остаться сидеть, потому что идти на деревянных ногах, с подгибающимися коленями очень тяжело. Голос дрожал, губы тоже, в глазах мольба, видно, она и заставила мисс Снайвли взяться за меня.

Решительности мисс Снайвли можно позавидовать, сначала она раскритиковала во мне все: походку, волосы, голос, манеру двигаться вообще... потом заявила, что если я твердо решила стать моделью и готова приложить для этого немало усилий, то у меня получится все, потому что во мне есть шарм, а это многого стоит.

Однако были нужны деньги для оплаты занятий, и деньги немалые, для меня тогда недостижимые – сто долларов за трехмесячный курс подготовки модели. Я сникла:

– Прошу извинить, у меня нет денег.

– Вам не придется сейчас платить, занимайтесь в долг, все вычтут из Ваших будущих заработков.

Понимаете, когда Вас берут на работу, о которой мечтают тысячи других, да еще и согласны учить в долг, рассчитывая на будущие заработки, это похоже на сказку. Меня больше всего поразила именно уверенность в будущем.

– Вы полагаете, они будут?

– У Вас? Конечно, если Вы не дура и не лентяйка.

Даже если я была до того момента дурой и лентяйкой, то мгновенно излечилась от обоих недостатков (хотя мой муж Артур Миллер вовсе так не считал).

Начались занятия, во время которых Мэри Смит учила нас ухаживать за лицом и телом, основам макияжа, миссис Гэвин Брэдсли – двигаться при демонстрации одежды, а сама мисс Снайвли – принимать красивые и выигрышные позы во время съемки.

Мной она занималась, кажется, особо, потому что мисс Снайвли не нравилось многое – слишком громкий смех, разболтанная вихляющая походка, слишком широкая улыбка, из-за которой нос расплывался картофелиной и становился очень большим... Но я очень старалась научиться все делать правильно, и мы исправили все, что возможно исправить. Конечно, денег на операцию по уменьшению носа и исправлению неправильного прикуса, из-за которого верхние клыки несколько заходили за нижние, у меня не было, эти дефекты были исправлены позже на средства Джонни Хайда, как и мой овал лица.

Учиться ходить, владеть своим телом, принимать эффектные позы и делать эффектные жесты... что может быть лучше и интереснее, тем более потом меня фотографировали.

Я очень люблю фотографироваться, это совсем не то, что кинокамера. Уже рассказывала, чем привлекателен фотоаппарат, в том числе и возможностью переделок. Но я довольно быстро научилась работать сразу «набело», как говорили многие фотографы. У меня со всеми наладились хорошие отношения. Иногда мне кажется, что это лучшее время в моей жизни. Пока еще ничего особенного не требовалось, все получалось, снимки были хорошими, фотографы мной довольны, реклама зубной пасты или лыж в купальнике меня не утомляла. Иногда я задавала дурацкие вопросы вроде того, к чему рекламировать зубную пасту полуголой, но довольно быстро осознала, что красивое женское тело привлечет внимание и к зубной пасте.

Я часами простаивала перед зеркалом, вернее, принимала разные позы и строила физиономии, чтобы понять, в чем моя слабость и сила, а также просто научиться. Конечно, это никак не могло понравиться свекрови, Этель написала Джиму о неприличном поведении его жены, тот прислал мне очередное письмо с обещанием прекратить это безобразие, как только вернется.

Из дома Догерти пришлось уйти, я отправилась жить к тете Энн, сняв маленькую квартиру у нее на первом этаже.

Я не была приучена к большим деньгам, а потому заработка вполне хватало, чтобы одеваться и сносно питаться. По меркам Нормы Джин Бейкер, я могла себе многое позволить.

А мои снимки – это Пинап, знаете такие картинки, на которых хорошенькие женщины в соблазнительных позах и обязательно с обнаженными ножками делают вид, что занимаются обычными делами – убирают квартиру, ходят за покупками, играют со щенком...

Правда, при обычном Пинапе с фотографий делали рисунки, где фигуры девушек значительно улучшали, как и черты их лица, требовалось только умение принимать соблазнительные позы. С моих фотографий никто ничего не срисовывал, их сразу размещали, как есть.

Нашла для себя занимательное занятие – срисовывать старые фотографии. Вот одна из них. Самая глупая роль – словно болонка в корзинке

Док, я очень много якаю, да? Но как же иначе, ведь рассказ идет обо мне самой? Наверное, когда я (снова «я»!) начну говорить о Мэрилин Монро, тогда буду и Вам, как доктору

Уэкслеру, говорить в третьем лице: «Мэрилин сказала... Мэрилин подумала...» А пока терпите мое ячество.

Вы вообще терпеливый, это очень удобно. Вы есть, и Вас вроде нет. Я не задумываюсь, слушаете ли Вы мои записи и как можете потом их использовать. Важнее, что я проговариваю все сама, не по требованию психоаналитика или его заданию и под строгим взглядом, а просто сама, о чем хочу и что хочу. Знаете, так удобнее. Хотя доктор Гринсон тоже не давит на меня, но он зачем-то старается вытащить негативные воспоминания о детстве, а мне удобнее и легче вспоминать не только трудности, но и хорошее.

А еще мне удобно представлять Вас таким, каким я хочу в данный момент, не ждать оценки своих слов и мыслей, не ждать их разбора.

Когда рассказываешь свободно, кажется, что жилось не так уж и плохо, были счастливые минуты, была радость, что за спиной нет ничего страшного, что могло бы исковеркать мою нынешнюю жизнь.

Док, а вдруг это поможет снять мои страхи совсем? Тогда я расцелую Вас при всех и всем расскажу, что Вы лучший доктор в мире, что не нужны длительные мучительные сеансы психоанализа с погружениями и вытаскиванием негатива. Нет, может, кому-то они и нужны, но только не мне. Вытаскивая негатив, я не освобождаюсь, а лишь глубже в него погружаюсь. У меня был такой тяжелый опыт с доктором Крис, когда все закончилось психушкой. Сейчас не буду об этом вспоминать, но потом расскажу обязательно. Что я была в психушке, всем известно, но не все знают, как страшно оказаться в четырех стенах с зарешеченными окнами, стеклом в двери и отсутствием надежды когда-либо оттуда выйти. А тебя при этом еще и тысячу раз спрашивают: «Почему Вы чувствуете себя несчастной в этом помещении?!»

Если Вам удастся вытащить меня из прошлого негатива, из неуверенности, из сомнений и отчаянья, моей благодарности не будет предела. Этим Вы спасете меня.

Но я вернусь в то время, когда еще не было Мэрилин Монро, а Норма Джин решала для себя, кем ей быть.

Мисс Снайвли настояла, чтобы я осветлила волосы. Она приводила множество примеров успешных блондинок, в том числе и Джин Харлоу. Я могла бы в ответ привести не меньше примеров успешных брюнеток, но довод в виде Джин Харлоу был слишком серьезен, ведь это мечта моей мамы, Грейс и моя собственная.

Наступление шло со всех сторон, и я наконец оказалась в студии Рафаэла Вольфа, который потребовал ради рекламы какого-то шампуня перекраситься. Вольф тоже настроен против моих каштановых волос и отправил в салон «У Фрэнка и Джозефа».

Приговор в салоне был однозначен: волосы выпрямить, укоротить и перекрасить в светлый цвет, потому что они слишком вьются и на фото выглядят слишком темными. Кажется, я даже заплакала, словно предчувствуя изменения всей жизни. Знаете, такое бывает, когда меня внешность, человек сильно изменяется сам.

– Я буду слишком неестественной.

– Если самой краситься пергидролем, конечно. Нужно посещать специалиста и ухаживать за волосами постоянно. Поверьте, Ваш цвет – платиновая блондинка, как Джин Харлоу.

Стоит ли говорить, что упоминание Харлоу было последней каплей. Правда, я не рискнула стать совсем светлой, только перекрасилась в золотисто-белокурый цвет.

Понравилось всем, особенно вернувшимся в Лос-Анджелес Годдардам (им не удалось прижиться на востоке, и они предпочли вернуться из Западной Вирджинии в Калифорнию). Понравилось и мне, особенно когда меня сняли в небольшом фильме без звука, где пришлось продемонстрировать купальник.

Не понравилось только Джиму. Он приехал в Лос-Анджелес на побывку после полуторагодового отсутствия. Но сейчас я вполне понимаю Джима, никому не понравится, если твое место на супружеской кровати занято. Нет, нет, Док, не подумайте, что я привела в дом любовника (хотя таковой у меня появился)! Сейчас расскажу, что произошло, это очень важно.

Мисс Снайвли очень старалась показать меня самым знаменитым и талантливым фотографам, если только узнавала об их присутствии в Лос-Анджелесе. Так случилось и с Андре Де Динсом, с которым мы познакомились еще осенью (тогда я не была золотоволоской).

Андре – фотограф от Бога, как бывают таковыми музыканты, живописцы, поэты... Он и камера составляют во время работы единое целое, мне иногда казалось, что они впрямь срастаются. Андре гениально чувствует освещение, позу, но не любит работать в студии. Все верно, там нет легкого ветерка, развевающего платье или треплющего волосы, нет солнечного света, нет запахов, а ведь все это очень важно.

Де Динс пригласил меня поработать на природе и увез за город. Я уже проходила съемки на природе с Конновером, но с Де Динсом все совсем иначе. Никаких наигранных поз, никаких заученных движений, все естественно и безумно красиво, а еще целомудренно.

Голосование на шоссе босиком и в довольно растрепанном виде (мы страшно мешали движению, но ни один водитель не возмутился, все терпеливо ждали, принимая меня за звезду) не производило впечатления «девицы с шоссе», казалось, мой велосипед просто упал с обрыва и мне нужна помощь. Многие водители, вынужденные ждать, так и решили, наперебой предлагая нам подвезти до города.

На фотографии у забора, где у меня открыт живот, потому что рубашка завязана прямо под грудью, ничего крамольного, просто девушка только что возилась с козленком или лошадью и сейчас вернется в дом. Кстати, козленок, вернее, ягненок тоже был, он такой миленький и так доверчиво прижимался ко мне, вовсе не протестуя, что его снимают.

Всем снимки очень нравились, кроме семейства Догерти. Если честно, то возмутись Джимми основательно, запрети он мне любые фотосессии или общение с Андре, тогда я еще послушалась бы и не знаю, как сложилась бы моя жизнь. Но приехавший в отпуск Джим равнодушно разглядывал фотографии, на которых я действительно хороша, равнодушно слушал мои рассказы об успехах в карьере фотомодели, равнодушно отбрасывал в сторону журналы, на глянцевых обложках которых красовалась его жена. Ему было все равно.

В большой степени именно равнодушие мужа подтолкнуло меня согласиться с предложением Андре Де Динса отправиться в новое путешествие, только теперь уже подальше, причем на Рождество.

Я ждала бури, опасалась, что Джим побьет меня, опасалась скандала, готовая отступить при первых признаках недовольства, а столкнулась... только с неудовольствием по поводу своего отсутствия на Рождество. Нет, возмущалась Этель Догерти, ужасалась тетя Энн, злился и сам Джим, но он не сказал мне ни слова. Не стукнул кулаком, не запер меня в квартире, не побил, в конце концов. Джим злился молча, что разозлило меня тоже. Я уехала с Андре на съемки.

Мы объездили чуть не все Западное побережье, посетили многие штаты, фотографировали на пляже и в пустыне, в горах и у водопадов Йосемитского национального парка.

Конечно, Андре очень хотел, чтобы я стала его любовницей, я долго держалась, но все решила встреча с мамой. Во время телефонного разговора с Грейс та сообщила, что Глэдис выпустили из больницы и она живет в Портленде в штате Орегон. Мы были совсем рядом, в штате Вашингтон, и решили заехать проведать мою маму.

Это была ужасная встреча! Дело не в том, что мы давно не виделись и Глэдис просто не узнала меня, она была безразлична ко всему. Жалкая, потерянная женщина даже не протянула

навстречу руку, не приподнялась с плетеного кресла. Она не обняла меня в ответ, не посмотрела фотографии, не взяла принесенный подарок.

Мы не знали, что делать и о чем говорить, Андре страшно нервничал, не в силах мне помочь. Когда я просто опустилась на пол у ног матери, размышляя, как быть, она вдруг тихо произнесла:

– Я хотела бы жить с тобой, Норма Джин.

Трудно передать мой ужас от этих слов. С одной стороны, я понимала, что не должна бросать беспомощную мать вот в таком состоянии одну, с другой, куда могла бы забрать, в крохотную квартирку, в которую вернется после увольнения Джим? Но там и кровать-то одна. Да, я уже зарабатывала достаточно, чтобы содержать и маму тоже, но это значило забыть о своей мечте, забыть о возможности стать еще кем-то.

А карьера фотомодели не вечна, довольно скоро меня перестанут снимать так интенсивно, и можно снова оказаться не у дел. Тогда снова завод и нищета. И как Джим, который недоволен моей карьерой, отнесется еще и к необходимости терпеть в доме душевнобольную тещу?

А Андре вдруг стал говорить, что мы скоро поженимся и переедем в Нью-Йорк! Это означало отказ в помощи моей матери. Мне стало плохо, я попыталась смягчить заявление Андре, как-то обещать помочь.

– Мама, мы скоро увидимся с тобой снова.

Если бы я могла, наверное, забрала бы ее сразу, хотя очень страшно взваливать на себя такой груз ответственности. Но я сама зависела от всех: Андре, Джима, Этель, Энн...

А еще очень страшно видеть перед собой, возможно, собственное будущее. Разве не была безумна бабушка, брат мамы, отец бабушки?.. В моей семье у предков достаточно много примеров странного помешательства, это какой-то уход в себя, когда человек и существует на Земле, но его словно нет. Меня часто упрекают, что я отсутствую, внешне присутствуя. Джонни Хайд даже говорил, что мне нельзя заниматься актерством серьезно, потому что это подразумевает копание в психике, что я должна играть легкие, комедийные роли. А я очень люблю психоаналитиков, люблю читать Фрейда и разбираться, что чувствую и почему. Это плохо и вредно? Может, Хайд был прав? О Хайде я Вам расскажу потом, он замечательный и много для меня сделал.

Всю дорогу обратно я проплакала, Андре старался утешить меня во всем, мы стали любовниками. Это совсем не то, что Джим, я чувствовала, что со мной спят не по супружеской обязанности, а по любви. Наверное, Джими тоже любил меня, но как-то иначе, как свою жену, которую любить положено.

Поездка меня сильно изменила, даже сильнее, чем все предыдущие месяцы учебы и работы фотомоделью. Я стала неверной женой и вдруг осознала свою ответственность за кого-то еще.

Дома ждал разъяренный Джим. Его наконец прорвало, но Джими не поднял руку, он просто устроил один за другим несколько скандалов, требуя, чтобы я прекратила сниматься и разъезжать по всей стране с мужиками. Ему нужна нормальная жена, а не фифа с журнальных обложек, я должна родить ребенка и прекратить фривольные съемки!

Впервые я огрызнулась.

– Какого черта?! Тебя нет дома два года, а я должна сидеть на пороге и ждать? Я тоже хочу жить и зарабатывать деньги. Что плохого в том, что я снимаюсь?!

Мы поссорились, а потом, к моему ужасу, показалось, что я в положении. Несколько дней я просто сходила с ума, все складывалось так плохо, что не придумаешь, как выпутаться. Я даже не могла точно сказать, от кого этот ребенок, он мог быть и от Де Динса, чего Джими не простил бы мне никогда. Всю жизнь быть под таким подозрением или развестись и воспитывать

ребенка одной, как это делала моя мама? К тому же существовала и она сама, забрасывавшая меня письмами с просьбой позволить приехать и жить со мной.

Андре Де Динс и его любовь отошли на задний план. Я знаю, он признал бы ребенка своим, хотя тоже сомневался в отцовстве, но ему не нужна Глэдис Бейкер, значит, всю жизнь мучилась бы совестью я.

Слава богу, опасения оказались напрасными, беременность с непонятным отцовством не состоялась, с души свалился хотя бы этот камень.

Джим отбыл на свой корабль, в этот раз я уже не провожала его со слезами на глазах и не цеплялась за рукав, умоляя не бросать. Мы оба понимали, что следующий приезд будет означать развод. Просто Джим поставил меня перед выбором – либо он и семья, либо карьера, жена с обложки ему не нужна. Я была не против развода, понимая, что нормальной семьи уже не будет, но, как всегда, не решалась сделать это сразу.

Но теперь я не могла спокойно жить, зная, что моя мать где-то там в плохоньком отеле одна-одинешенька и очень хочет переехать ко мне. Прекрасно понимала, что ни на какую работу ее не возьмут (она писала мне, что постарается сразу же устроиться на киностудию снова на обработку пленок, потому что не потеряла навыки), никто не станет связываться с женщиной, пробывшей в психушке столько лет.

Понимала и то, что Глэдис будет страшной обузой для меня, а также то, что это станет последней каплей, которая переполнит чашу терпения Джимми. Хотя последнего как раз не боялась, пусть, все равно развод. Но я уже не могла оставить маму без помощи. Знаете, пока не видела ее вот такой – беспомощной и ни на что негодной, – думала о Глэдис спокойно, как о чужом человеке, но теперь картина безучастно сидящей в кресле женщины не выходила из головы. Вопреки всем советам – тети Энн, Грейс, даже Снайвли – я отправила маме деньги, чтобы расплатиться с долгом за отель и купить билет в Лос-Анджелес.

В крохотной квартирке две комнатухи и всего одна кровать, где и стали спать мы вдвоем. Конечно, я могла выкинуть что-то из мебели и поставить вторую кровать, оставив большую для нас с Джимом, но я этого не сделала. Приехав в очередной раз на побывку (он теперь служил неподалеку от дома), Джим застал дома Глэдис, а на кровати ее ночную рубашку. Безо всяких объяснений Джим развернулся и полчаса спустя жил дома у своей матери. Слово «развод» прозвучало твердо. Я понимаю, что ему вовсе не нужна самостоятельная жена, уже не подвластная его воле и приказам, к тому же с таким довеском, как сумасшедшая мать.

Мы остались с мамой, а Джим снова ушел в море.

Но мама долго в нашей квартирке не прожила, она сама почувствовала, что ей лучше, когда вокруг больничные стены. Глэдис забрали в клинику в Южной Калифорнии.

Тогда я не понимала, что это такое, пока сама не оказалась в клинике. Правда, мама жила в обычных условиях, а я была в палате для буйных помешанных (это устроила доктор Крис, я потом расскажу!), но все равно психушка есть психушка. Я старалась присылать туда деньги, даже когда у меня самой нечего было есть, а потом, позже, когда появились средства, перевела ее в частную клинику.

Мама так и осталась беспомощной, все понимающей и даже помнившей, но не способной что-то сделать самостоятельно, а уж решить тем более. Даже дети сами решают, как им быть, а человек с вот такой болезнью не способен. Что это за безволие, не знает ни один врач. Психиатры не знают, что за болезнь эта заторможенность, эта беспомощность, не знают, чем и как лечить. Они радуются только тому, что Глэдис безопасна.

Я ни на одну минуту жизни не забывала, что случилось с моей мамой, какой она стала. Правда, не помню, какой была, но ведь была нормальной, если даже работала на киностудии? Неужели сумасшествие – это действительно проклятье нашего рода и оно когда-то захватит и меня саму?! Только не это!

Знаете, рассказывая о своей матери, я вдруг поняла, почему так доверяю Вам. Со мной работали многие психоаналитики и наставники, но сейчас я вдруг поняла, что никто не сделал главного – не вселил в меня уверенность, что я могу сама! Я спотыкалась, и мне тут же подставляли руку, я забывала текст – подсказывали, не знала, как играть, – объясняли, надзирали, наставляли, диктовали, все говорили, что сейчас помогут, но никто, никто не сказал:

– Малышка, ты сможешь сама!

Вы первый, кто сказал:

– Вы во всем разберетесь сами, все сами поймете.

Док, Вы поверили в то, что я могу сама, потому что плохо меня знаете или я действительно могу?

Сейчас кажется, что могу.

Это я поняла, когда задумалась над поведением моей мамы.

Я давно оплачиваю ее содержание в хорошей частной клинике, уход за ней, но я знаю, что она не живет, а существует, беспомощная сама перед собой. Ей ежеминутно нужен не просто наставник, а почти поводырь, который бы указывал, что делать, о чем думать, как поступать. ОНА НИЧЕГО НЕ МОЖЕТ САМА, понимаете?

Сейчас я вдруг поняла, что все мои помощники и наставники низвели меня до подобного состояния! Я ничего не могу сама! Нет, я могу жить, даже играть, но для всего мне нужно чье-то одобрение, чья-то поддержка, чье-то наставление.

Док, это страшно, Вы даже не представляете, насколько это страшно! В кого я превращаюсь – в куклу-марионетку или в мамино подобие?!

Наверное, потому вот эти пленки, попытки рассказать о себе, разобраться без чьих-либо вопросов, указаний, наставлений возрождают меня. Вы первый, кто поверил, что я смогу. Когда-то в меня поверила мисс Снайвли, но это было так давно...

Я должна все это обдумать, осознать. Сама, Док, сама!

Мама переехала в клинику, я осталась одна. Мне очень хотелось начать новую, совсем иную, чем до сих пор, жизнь.

Оставались две препоны – мой муж Джимми Догерти, который вот-вот вернется и преврет мою карьеру фотомодели, и моя мечта стать киноактрисой, даже звездой.

Однажды я поделилась этими проблемами с мисс Снайвли. Та согласилась, что, если хочешь попасть на киноэкран и стать звездой, нужно решиться и многим пожертвовать, а еще быть готовой к немалым трудностям. Трудностей я не боялась, жертвовать была готова, оставалось решиться.

– Я не могу просто развестись с Джимом, это будет нечестно.

– Но и оставаться с мужем ты тоже не можешь, Норма Джин. Супруг не позволит тебе сниматься, а ты уже привыкла и к вспышкам камер, и к вниманию, и пусть и к небольшим, но свободным деньгам. Представь, что снова придется ожидать возможности купить себе новые чулки и ходить в них целый сезон...

Мисс Снайвли была права и неправа одновременно. Разведясь с Джимом и пустившись в свободное плавание в Голливуде, я большую часть года была вынуждена вообще ходить без чулок, потому что не имела денег на них даже раз в сезон. И сыта не бывала неделями, а деньги имела крайне редко и совсем крошечные, пока не стала получать зарплату на студии.

Но она была права в том, что я уже не могла быть прежней, не принимала жизнь в семье Догерти, какую вела мать Джимми Этель. Нет, из меня никогда не получилась бы добропорядочная миссис Догерти, я бы испортила Джиму жизнь.

Зато появилась зацепка: на голливудских киностудиях предпочитают не связываться с замужними женщинами, опасаясь беременностей. Конечно, это смешно, потому что до

актрисы мне было так же далеко, как и до роскошных особняков владельцев студий Голливуда, но я ухватилась за эту зацепку и отправилась оформлять развод в Лас-Вегас, где сделать это было совсем нетрудно, даже в отсутствие мужа.

Отсутствие Джима тоже стало своеобразным козырем. Война закончилась, он был не столь уж нужен на флоте, мог бы и вернуться, но Джим явно не торопился. Когда симпатичная молодая женщина страдальческим голоском сообщает, что хотела бы развестись с супругом, который не торопится к ней, предпочитая где-то там других, у судей возникает желание защитить малютку.

Единственный вопрос:

– Вы намерены жить в нашем штате?

Я не намерена, и почему судья спросил, не знаю, может, потому что разводить тех, кто бывает в их штате наездами, нельзя, а может, просто имел какие-то виды... Я сделала честные глаза:

– Да, я сняла квартиру и поселюсь в Лас-Вегасе, мне здесь нравится.

Вообще-то после такого заявления меня следовало отправить к мужу под присмотр в наручниках, потому что Лас-Вегас не то место, где молодые женщины ведут себя образцово, но судья, видно, привык ко всему, кивнул.

Оставалось только дождаться положенного времени, чтобы получить документы о разводе, мне не стали его затягивать. Это существенно, потому что Артуру пришлось ждать немало времени, пока его развели с женой. Я знаю многих, кто долго добивался нужного решения даже в Неваде. Но мы с Джимом не столь важные особы, чтобы насильно удерживать в браке.

И словно чтобы я не передумала, в Лас-Вегасе произошло событие, словно подсказавшее мне будущий успех.

В Лас-Вегасе снимал какой-то фильм (я не удосужилась поинтересоваться какой!) Рой Роджерс. В ожидании документов от нечего делать я много времени проводила на улицах, глаза на красивую жизнь и на киносъемки. И в какой-то момент окружающие приняли меня за актрису, попросив автограф. Я объяснила, что никакого отношения к кино не имею, не поверили, парни даже обиделись, решив, что набиваю себе цену. Пришлось расписываться даже на их ковбойских шляпах!

А потом меня позвали на родео, и мы пошли обедать большой компанией, в которой был и король ковбоев Рой Роджерс, который тоже принял меня за актрису, пусть и начинающую. Когда Рой разрешил мне прокатиться на его лошади, я почувствовала, что взлетаю к небесам. Обожаю его фильм «Под западными звездами»! Тогда Рой был кумиром всей Америки.

Король ковбоев поил нас своим фирменным коктейлем, правда, я просила не наливать в мой стакан «Гренадера», надо мной смеялись, потому что без «Гренадера» остаются только кола и лед.

К вечеру я не сомневалась в своем великом будущем, в том, что стану звездой, непременно стану, а потому совесть из-за развода с Джимми Догерти меня уже не мучила. Пусть Джим простит меня, но ведь мы не любили друг дружку, вернее, любили, но как-то по необходимости. Мой муженек не страдал от тоски и ревности у себя на корабле, ведь он действительно не слишком спешил демобилизоваться даже после окончания войны. Мы развелись летом 1946 года, когда все, кто торопился к своим семьям, давно были дома.

Так я снова стала свободной. И снова одинокой, но теперь я таковой себя не чувствовала, моя мечта начала осуществляться, и некогда было страдать. Вернее, я страдала, но из-за другого.

У моего ухода из фотомодели в Голливуд была еще одна причина кроме опасности завязнуть в тягостной семейной жизни. Я примелькалась. Слишком много снимков для слишком

большого количества журналов привели к тому, что мои лицо и фигура примелькались, перестали вызывать большой интерес у читателей. Нельзя все время фотографировать одних и тех же, предстояло либо уезжать из Лос-Анджелеса, чтобы начинать карьеру фотомодели в другом месте, либо пробовать себя в кино.

Я выбрала второе, все-таки это была моя мечта, к тому же в Лос-Анджелесе Голливуд. О Голливуде в следующий раз, это очень большой и серьезный разговор.

Голливуд

Голливуд... Это самое непостижимое место на свете. В нем есть все: блеск и отчаянье, роскошь и откровенная нищета, чувства и фальшь, правда и ложь, невероятный успех и столь же сокрушительные провалы... Спросите любого актера, и он ответит, что в Голливуде никогда нельзя знать наверняка, что ждет тебя завтра. Все мечтают о славе и успехе, но никто не может быть уверен, что они надолго, если вообще будут.

Вряд ли Вы связаны с Голливудом, но даже если это так, я все равно расскажу о нем, об этом монстре, производящем сказки сотнями и ради этого уничтожающем людей тысячами. Да, да, уничтожающем, потому что назвать живыми тех, кого Голливуд перемолол и выплюнул, как ненужную вещь, не повернется язык. Если кто-то сумел остаться на ногах после такой мясорубки, то он сделан из стали высочайшей пробы.

В Голливуде нет середины – либо все, либо ничего. Те, кто годами играют роли из нескольких слов, показываясь позади главных героев только ради того, чтобы не пустовала площадка, не живые люди, это манекены. Пока молоды, манекены мечтают вырваться в звезды, а когда время прорыва уходит, умирают внутри. Свет софитов на площадке выжигает душу куда сильнее любого пожара.

Есть те, кто попадает в Голливуд со сцены или со съемочных площадок Европы, они другое дело, они не видят самых низших ступеней, как не видят их самих те, кого приводят за руку покровители.

Меня никто не приводил и никто не приглашал, я пришла сама, а потому должна была пройти все круги унижения и пыток. Нужно иметь очень стойкий характер или безумно мечтать сниматься в кино, чтобы вынести то, что уготовано девушкам, появившимся на пороге любой из голливудских студий без покровителя или запаса сыгранных где-то ролей.

Десятки кастингов для самых разных фильмов, бесконечные «Сегодня для Вас ничего нет», «Мы перезвоним», «К сожалению, пока ничего»... Не верьте этим сожалениям, служащие отделов по набору сотрудников произносят такие фразы, как хорошо заученную роль.

Тысячи девушек, робких и нахальных, растерянных и самоуверенных, действительно красивых или только думающих, что они такие, рослых и маленьких, худых и толстых, самых разных обивают пороги киностудий в надежде стать хотя бы старлетками с ролью в два слова, а то и вовсе без слов. Только бы взяли, только бы заметили.

Что такое старлетки? Каждая студия набирает по несколько десятков симпатичных девушек и юношей, чтобы при необходимости заполняли собой задник съемочной площадки, а еще мелькали на разных приемах и праздниках, улыбаясь гостям и создавая приятную атмосферу. Старлетки получают постоянную заработную плату, которая позволяет хоть как-то существовать, имеют возможность наесться на приемах и надевать студийную одежду. Это большое подспорье, потому что выпить шампанское или съесть что-то вкусное с зарплатой старлетки можно только там.

Большинство старлеток так никем и не становятся, они годами ждут случая быть замеченными, переходят из студии в студию и ничего не получают. Считается, что старлеткой можно пробыть половину жизни. Ничего подобного, потому что каждые полгода договор возобновляется, и нет никакой гарантии, что тебе предложат его продлить.

Вы меня понимаете, Док? Это жизнь в подвешенном состоянии, когда ты не знаешь, будешь ли сыт завтра и не окажешься ли через полгода на улице, потому что нечем платить за жилье.

Но даже среди старлеток есть градация. Те, кто хоть изредка имеет роли со словами, считаются счастливицами, они почти закрепились. Большинство после первого года оставались ни с чем. На студии «Фокс», куда я набралась смелости прийти, компанию старлеток называли «конюшной», она насчитывала по семьдесят девушек и семьдесят молодых людей. В «конюшне» надо быть послушной, не отказываться ни от какой работы и ни от каких приглашений, какими бы шокирующими и непристойными они ни выглядели, боссы не любят строптивых лошадок.

Когда смотришь на холмы, покрытые лесом, то не различаешь в этой темно-зеленой массе отдельных деревьев. Разве можно заметить, что вон то ровное и стройное. А рядом довольно кривое и с неровной вершиной? Так и в «конюшне», среди семидесяти красивых девушек заметить одну очень тяжело.

Но все равно это хорошая система, она позволяет хотя бы попробовать себя в кино. Старлетки получают содержание – 75 долларов в неделю в первые полгода, потом, если договор продлевают, оплата повышается каждые полгода на 25 долларов и к концу седьмого года (на столько может быть заключен контракт) она достигает 1500 долларов в неделю. Конечно, всех манят призрачные 1500 долларов в неделю, они кажутся огромными (по сравнению с 75), никто не задумывается, что контракт может быть и не продлен.

Но даже 75 долларов в неделю позволяли снимать комнатку в общежитии, основанном женами киномагнатов именно для вот таких будущих звездочек или неудачниц, чтобы они не ошивались на улице и не попадали куда попало. Все равно ошивались и попадали, потому что жить на что-то надо.

По сравнению с оплатой труда на заводе и 75 долларов были сказочными деньгами, но как фотомодель я зарабатывала больше. Однако какими бы привлекательными ни были мои снимки для журналов, на скольких бы обложках я ни появлялась, никто в кино не звал и главных ролей не предлагал. Идти и просить пришлось самой.

Теперь после стольких занятий в модельном агентстве мисс Снайвли и позирования перед камерами я считала себя способной произвести впечатление на любого продюсера, который только встретится. Я умела хорошо позировать, неужели не сумела бы сыграть? Это казалось так просто – выйти под свет софитов и произнести нужную фразу. Если я чего-то не умела, то рассчитывала, что подскажут и научат.

О том, что меня могут не взять или не заметить, даже не думалось. Это в агентство к мисс Снайвли я шла на трясущихся ногах, теперь уже была немного уверена, тем более после встречи с Роем Роджерсом в Лас-Вегасе. Мне и в голову не приходило, что Рой просто был любезен с хорошенькой молодой женщиной, ему это ничего не стоило, а обещать успех в Голливуде можно кому угодно.

Но храброй я была только до того момента, пока не открыла дверь студии «XX век – Фокс». Почему именно этой? Снова помогла мисс Снайвли, ее приятельница подсказала, к кому обратиться именно в этой студии – к Бену Лайону, который занимался подбором новеньких. Если бы не стали разговаривать, отправилась на следующую, потом еще... пока не выдохлась или не потеряла веру в себя окончательно.

Но мне повезло.

Оказывается, на прием к руководителю актерского отдела студии нужно записаться. Я записана не была, но секретарь, окинув меня внимательным взглядом с ног до головы, мило улыbnулась и попросила подождать. Потом по селектору связалась с Беном Лайоном, позже

ставшим моим приятелем, и сообщила, что некая красивая девушка хочет его видеть. Видно, Лайон разрешил войти, что мне и было предложено сделать.

Вот теперь ноги затряслись основательно, хорошо, что Бен предложил сесть, иначе я просто позорно грохнулась бы на пол. Но руководитель актерского отдела так часто видит перед собой перепуганных девушек, желающих стать актрисами, что привык ко всему, он оглядел меня, как и секретарь, и улыбнулся:

– Чего же Вы, собственно, хотите?

Как я умудрилась выдать из себя ответ, не заикаясь, не помню.

– Хочу попасть в кино.

– Вы уже в кино. Расскажите о себе.

Пришлось врать, не могла же я сказать, что отца не знаю, вернее, он отказался от меня совсем, а мама в психушке. Сказала, что сирота, жила у родственницы, была недолго замужем. Образование? Только школа... О том, что окончить ее не удалось, тоже пришлось промолчать. Но Лайона это интересовало мало.

– Где Вы живете?

– В Студио-клуб...

Он удовлетворенно кивнул, словно Студио-клуб был хорошим местом для проживания. Но это лучше, чем на улице, да и присмотр за девушками в этом общежитии был неплохой. Это была неправда, потому что я жила у тети Энн, но мне совсем не хотелось рассказывать о тех, кто меня брал на время к себе, почему-то казалось, что как только на студии узнают, что я подкидыш и никому не нужна, сразу изменят отношение с благосклонного на негативное. Однако Лайону было все равно, где именно я живу, не под забором, и ладно.

Потом Лайон провел меня к гримерам и костюмерам, попросил переодеть, загримировать и причесать, а потом посадили на стул, и некоторое время мы беседовали, а камера снимала нашу беседу. Я поняла, что съемка идет без звука, это хорошо, потому что от волнения все равно начала заикаться.

Вывод был в мою пользу: работать нужно много, но есть над чем. Я подошла студии, и Лайон предложил опционный контракт с перспективой на семь лет. Понимаете, переступить порог студии на негнущихся ногах с дрожащими коленками и сразу получить контракт на 75 долларов в неделю – это ошеломило!

Предстояло выбрать имя. Лайону категорически не нравилась Норма Джин. Вот тут наступил момент, когда мне пришлось впервые отказаться от самой себя. Пока Бен перелистывал толстенные актерские справочники в поисках подходящего имени, я тосковала, словно в ту минуту действительно прощалась со своим прошлым, своим неприкаемым детством, своим неудачным замужеством – со всем, что составляло жизнь до сих пор. Почему-то казалось, что как только имя будет найдено, возврат назад станет невозможен.

Кажется, Лайон сказал, что я должна стать Мэрилин, потому что такое имя было у звезды мюзиклов.

– А можно мне остаться Джин? Джин Монро?

– Вы ведь Норма Джин Бейкер? Почему Монро?

Я объяснила, что это фамилия моей бабушки, которая была настоящей красавицей. Уточнить, что бабушка едва не придушила меня подушкой и в конце концов сошла с ума, не стала, ни к чему.

– Нет, Джин слишком просто. Джин Монро... Нет, это просто. Давайте, Мэрилин Монро.

Он несколько раз повторил, потом написал имя на листе бумаги, покрутил и удовлетворенно кивнул:

– Вы будете Мэрилин Монро. Звезда экрана Мэрилин Монро. Или я ничего не понимаю в этой жизни.

Так я попала в «конюшню» «Фокса» и стала одной из старлеток.

Это не означало ничего, кроме возможности крутиться среди сильных мира кино, бывать на разных приемах, но главное – учиться.

Старлетки имели право не просто болтаться под ногами на студии, но и посещать занятия по пантомиме, движению, танцам, постановке голоса... Кроме того, можно было репетировать в пустых помещениях при условии, что не будешь мешать, смотреть, как играют или пробуются на роли другие. Это очень полезно, если хочешь чему-то научиться. Я очень хотела, потому пропадала на студии с утра до вечера, впитывая в себя что-то новое, как губка воду.

Пусть меня считают несерьезной блондинкой, но я всегда очень серьезно относилась и отношусь сейчас к работе, считала, что, чтобы чего-то добиться, нужно много учиться. У меня слабый голос, поэтому требовались многие занятия, чтобы он зазвучал сильнее. О заикании и говорить не стоит, любое волнение вызывало ступор в горле, и я подолгу не могла выбраться из первой буквы своего нового имени:

– Ммм...

Заикающаяся актриса не имела никаких шансов на роли со словами, потому над голосом приходилось работать особенно. На съемках,неважно фотосессия это или кино, никому нет дела, что у тебя сводит живот или болит горло, что ты с утра ничего не ела или не выпалась. Фотографу нужна довольная жизнью, красивая девушка безо всяких проблем, потому что такая нужна зрителю и читателю, проблем у всех хватает своих.

Этому меня научили еще в бытность в модельном агентстве, а потому и на студии я никому не показывала, что голодна, что мне плохо или у меня что-то болит. А такое бывало часто. Чтобы иметь деньги на косметику или на дополнительные уроки, например по вокалу, приходилось отказывать себе в обеде, а ужинать на каком-то приеме.

Я так старательно занималась, пытаюсь схватить все, что только можно, все запомнить и усвоить, чтобы потом применять на площадке, что надо мной иногда даже посмеивались. Но большей частью все мои новые знания совершенно не требовались, потому что нас чаще использовали в качестве красивых кукол на праздниках, когда мы приветственно размахивали руками, стоя на разных платформах в качестве живых декораций.

Тогда мне казалось, что судьба состоялась, ведь я в Голливуде, имею контракт на целых полгода! О... я им за полгода такое покажу... такое покажу... Все просто сойдут с ума от возможностей новой актрисы Мэрилин Монро, бывшей Нормы Джин! Меня завалят предложениями ролей, я не буду успевать учить тексты сценариев, придется бегать с одной съемочной площадки на другую, чтобы сниматься везде.

Мне и в голову не приходило, что может быть иначе, ведь была же я нарасхват у фотографов, иногда действительно приходилось бегать почти бегом, чтобы успевать сняться у всех желающих. Я фотогенична и не боюсь объектива, я научена красиво ходить перед камерой, принимать грациозные позы, оставалось только научиться играть, и все в порядке.

Боже, какая наивность и самоуверенность! Таких, как я, десятки, даже более красивых и умевших двигаться, не менее уверенных в том, что именно их завалят предложениями ролей. И стоять перед кинокамерой оказалось вовсе не то, что перед фотокамерой. С фотографом у нас тут же устанавливались приятельские отношения, а я даже в свете прожектора была одна. А здесь камера наезжала на целый десяток девушек, и среди них нужно выделиться.

Огромное впечатление произвела одна реплика, она была брошена раздраженным режиссером не мне, а девушке, стоявшей впереди:

– Ну что за пустые глаза! Вы способны о чем-то думать, когда находитесь перед камерой, или в Вашей голове одна вата?! Мысль, где, черт возьми, мысль в глазах?!

Я моментально растеряла всю свою уверенность, осознав, насколько тоже пустая, толстая и неуклюжая, никакая. Как хорошо, что позорные кадры полетели в корзину и не попали на глаза продюсерам! Ничего, все впереди, в следующий раз я сделаю куда лучше, обязательно

научусь чувствовать свое тело, научусь им управлять, а главное – поумнею, в моих глазах появится та самая мысль, которую требовал режиссер.

Если честно, я была даже рада, что не получила ролей в первые полгода, потому что усиленно занималась. Вся зарплата уходила не на обновления или развлечения, а на уроки танцев и вокала, на книги. Я же прекрасно понимала, что, бросив школу, в которой к тому же училась не слишком хорошо, осталась совершенно необразованной. Не знала многого, что знали даже девушки из самых простых семей.

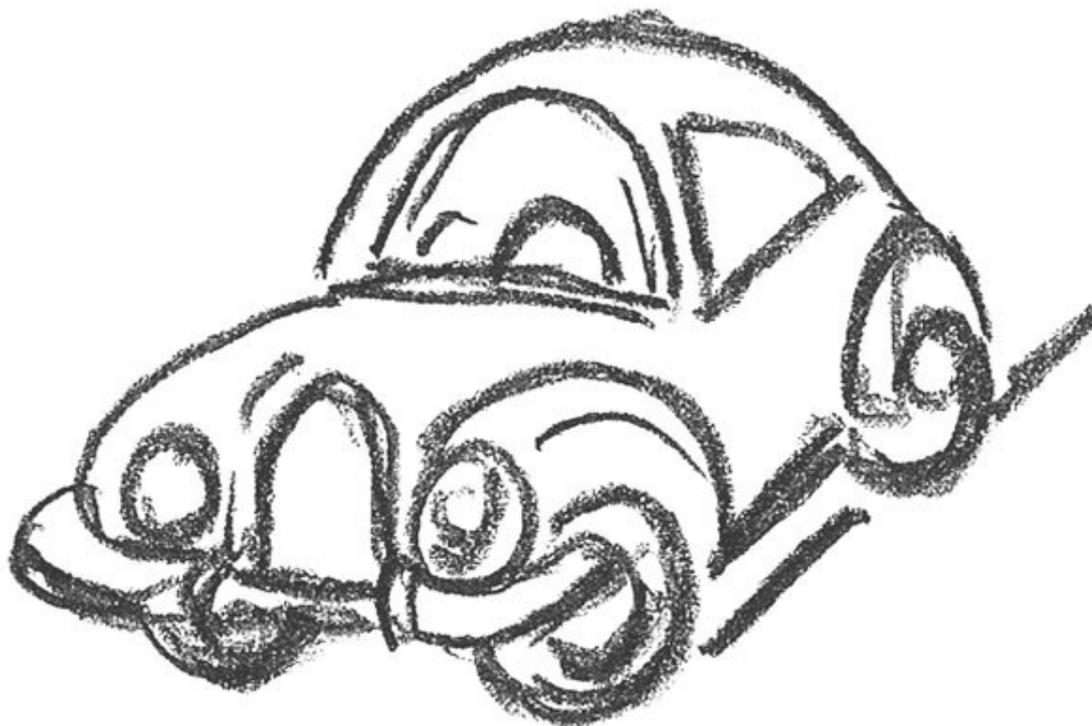
Мне катастрофически не хватало образования, потому каждую свободную минуту приходилось тратить на чтение. Если бы тогда рядом оказался умный человек и направил мои усилия в нужное русло, я, пожалуй, сильно повысила бы свой образовательный уровень. Но кто мог подсказать? Тетя Энн сама не слишком грамотна, Грейс и вовсе быстро спивалась, все мои знакомые едва ли имели даже простое школьное образование, не говоря уже о чем-то большем.

Знаете, какой я нашла выход? Принялась читать справочники. Сначала это был общий справочник вроде энциклопедии, потом я сообразила взять в библиотеке справочник о кино – толстенный, страшно заумный, не помню название... Он наводил скуку, с которой я отважно боролась. Как и с постоянным желанием есть. Голод был обязательным спутником, на 75 долларов в неделю можно либо питаться, либо учиться, но тогда я спокойно выбирала второе, убеждая себя, что голод полезен для тонкой талии и нет ничего лучше плоского животика.

Ничего, вот пройдут полгода, повысят зарплату до 100 долларов в неделю, тогда я смогу выделять целых двадцать пять долларов на еду. Это казалось просто-таки роскошью – обедать каждый день! А ведь нужно еще одеваться и как-то поддерживать тетю Энн и маму в клинике.

Я уже не надеялась «показать всем» за первые полгода, хотелось только научиться как можно большему и закрепиться на студии.

Через пару месяцев у меня была даже крохотная подержанная машина, вернее, машинка, но своя! Нет, не своя, а взятая в кредит, который еще предстояло выплатить. За рулем этой букашки я казалась себе такой важной и успешной! О том, что не сумею выплатить кредит, и мыслей не было, ведь меня зачислили в штат, а через полгода повысят зарплату. Будущее казалось радужным, а впереди только успех, пусть не сразу (я уже поняла, что просто так ничего не дается), но я готова работать день и ночь, буду стараться, и все будет прекрасно.

Вот это моя машинка, немного не такая, конечно, но столь же маленькая. Без машины в Голливуде никуда, это всем известно.

Первое время я восторженно расписывала тете Энн свои перспективы и то, что происходило на студии. Подумать только – я работаю в Голливуде актрисой! Моя мечта почти сбылась, осталось только стать звездой.

Постепенно восторженный тон сменился на спокойный и даже критический. Нет, я не критиковала Голливуд, какой в этом смысл, он такой, какой есть. Я критиковала себя за неумение двигаться, запоминать текст, правильно произносить фразы, неумение выделиться из толпы таких же искательниц приключений и славы.

Но о том, что увидела изнанку Голливуда, не рассказывала.

В Голливуде девушку ценят не столько за то, что она собой представляет, сколько за то, как выглядит. Умеешь ты играть или нет, выяснится потом, сначала надо на площадку попасть, а роли дают за внешность. И за уступчивость...

Я выглядела беззащитным ребенком, но была достаточно умна, чтобы понять, что придется быть уступчивой, иначе дальше старлетки не продвинуться. Это практически обязательно и никого не шокировало. Напротив, большинство девушек сами искали такие контакты, потому что иначе обратить на себя внимание трудно.

Частенько возможность появлялась на разных приемах. Я любила приемы по нескольким причинам. Во-первых, там можно познакомиться или хотя бы попасть на глаза важным персонам (так я позже познакомилась с Джозефом Шенком), во-вторых, понаблюдать за поведением знаменитостей и либо взять с них пример, либо учесть ошибки и, в-третьих, попросту покусать. Подозреваю, что очень многие молодые актеры и актрисы ходили ради этого.

На приемы нужно что-то надевать, обычно я брала вечерние платья напрокат у костюмеров, это тоже стоило денег, на которые можно было поужинать, но игра стоила трат, ведь можно ненароком попасть в колонку светских сплетен, оказаться на снимке рядом со знаменитостью или даже быть замешанной в небольшом скандале, что играло на пользу популярности.

Я научилась приходить на приемы не сразу, а часа через два после начала, когда большинство гостей уже полупьяны, критических взглядов куда меньше, гости разделились на группы и легче обратить хотя бы чье-то внимание на себя.

Мне никакие приемы не помогли, видно, была слишком простенькой и молчаливой, знаменитости не обращали на меня внимания, и скандалов со мной тоже никто не затевал. Главное убеждение, которое я вынесла из этих мероприятий, – улыбки фальшивы, за приветствиями часто кроется самая настоящая зависть, а многие звезды никого не замечают, кроме самих себя.

Это тоже часть работы старлетки, в штат зачисляли, но пробиваться дальше нужно самой.

Все свободное от такой «работы» время я учила роли, забирая сценарии даже на дом и с сожалением убеждаясь, что память у меня плоховата. Хотя на съемках не нужна замечательная память, потому что за день даже преуспевающему актеру приходилось произносить всего с десяток фраз, а остальное время тратилось на бесконечное ожидание, пока поставят свет, оформят площадку, придет кто-то из опаздывающих актеров, режиссер и оператор решат, как лучше снимать сцену – общим планом или крупным, когда свое дело сделают гримеры, костюмеры и так далее. Казалось, за это время можно выучить не только десяток фраз, но и целую книгу даже тому, кто плохо запоминает текст. Я еще не подозревала, что со временем из-за большого количества употребляемого снотворного это превратится для меня в настоящую проблему.

Тогда я бессонницей не страдала, напротив, спала в любую свободную минуту, вовсе не мучаясь от яркого света или шума.

Мучилась я только от отсутствия ролей, первые полгода их не было вовсе, ни со словами, ни без. Кто-то невидимый наверху откладывал мою фотографию в стопку ненужных, когда проходило утверждение на роли в новом фильме. Позже я узнала, кто это был – всемогущий Даррил Занук.

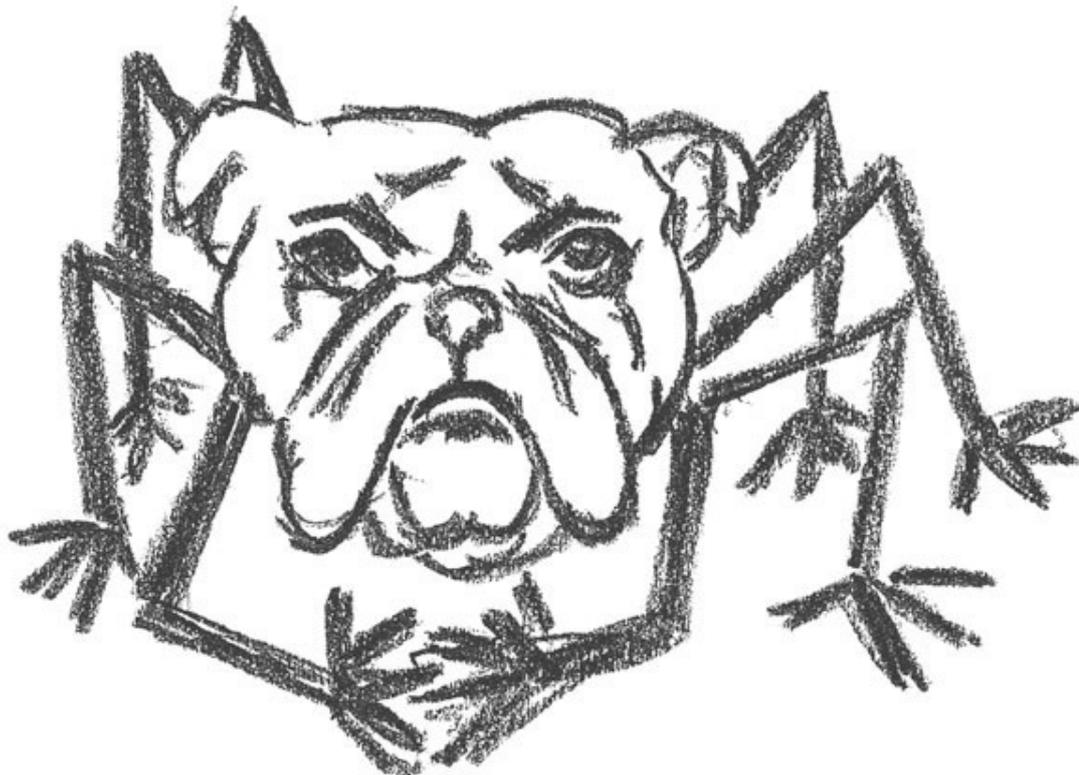
Довольно долго в Голливуде многое определялось враждой двух руководителей студии «XX век – Фокс»: президента Спироса Скураса и Даррила Занука. Третий – Джозеф Шенк – был посередине, сдерживающей силой. Возможно, без Шенка эти двое перегрызли бы друг другу горло или пустили по пуле в лоб, а может, и нет, иногда мне кажется, что существовать без этой вражды они тоже не смогли бы.

«Фокс» – студия очень влиятельная, от ее успеха или неуспеха много зависело на кинорынке, ее мечтали свалить, а потому внимательно следили за всеми перипетиями и противостояниями внутри студии, тем более между руководителями.

И Даррил Занук и Спирос Скурас работали почти круглые сутки, отвлекаясь только на короткий сон, еду и девочек, но у каждого был свой подход.

Занук отвечал за производство фильмов, а Скурас за их прокат, и оба терпеть не могли вмешательства в свои дела. Официально президентом студии был Скурас, которого называли «старым греком». Это действительно бог сбыта: если Скурас сказал, что фильм будет иметь успех, значит, будет. Кажется, Скурас смог бы при желании продать прокатчикам чистую пленку, выдав за шедевр.

Сначала я столкнулась, конечно, с Даррилом Зануком. У Занука вовсе не бульдожье лицо, напротив, он красив, высоколоб, сразу чувствуется недюжинный ум и стальная воля. Весь вид Даррила Занука излучал уверенность в том, что он Хозяин. Хозяин всего: студии, производства, всей жизни, которая вокруг, как Занук решил, так и будет, причем повлиять на его решение, заставить изменить мнение невозможно. Те, кому он однажды показал на дверь, могут к студии больше не приближаться. Но и те, кому он эту дверь открыл, тоже не могут быть уверены ни в чем.

Вот именно так мне представлялся Даррил Занук: в виде паука с бульдожьей хваткой. Он держал в своих руках в студии все производство и судьбы актеров тоже

Нет, Занук не самодур и не капризен, но завоевать его благосклонность тяжело, а потерять очень легко. Работая по шестнадцать часов в сутки, практически живя в студии и ее делами, Даррил Занук и свои потребности удовлетворял там же, благо хорошеньких старлеток на студии хватало, и никто не смел отказать всеильному Зануку. Те, кто смел, больше в «Фоксе» не работали.

У Даррила Занука все было расписано по минутам, секс в том числе, он занимался плотскими потребностями строго с 16.00 до 16.30. Вызванная на это время старлетка прекрасно понимала, что нужно принять ванну и не надевать нижнее белье.

Ужасно? Ничуть, ведь все знали, что актрисам приходится спать с продюсерами и режиссерами, а уж с руководителем студии и подавно, но если другие это как-то скрывали (например, Шенк, у которого я часто дневала и ночевала в его роскошном доме с бассейном, и не я одна), то Занук все делал открыто. Зато о нем не ходили никакие сплетни и пересуды. Побывала девушка в кабинете в определенное время, отметили ее как вызывавшую интерес Занука и перестали болтать. Позовут в следующий раз – хорошо, но чаще если и звали, то очень не скоро, хватало других.

Никому не приходило в голову противиться, это воспринимали как должное. Думаю, спокойнее было и жене тоже, потому что два раза в неделю новая старлетка – это не любовницы, которых голливудские жены боялись, как лесного пожара. Опасно подцепить болезнь, но думаю, он не вставал с кресла, девушки просто становились перед всемогущим боссом на колени, недаром говорили (и говорят), что роли получают в позе на коленях.

Те, кого не вызывали к Зануку хотя бы раз, считались едва ли не пропавшими, у них не было будущего на «XX век – Фокс».

А как же я?

О... это очень интересная история, едва не стоившая мне карьеры вообще.

Первые полгода меня никто не трогал, и Занук тоже, видно, выглядела уж слишком по-детски или простовато. Я училась, шлифовала свою внешность и свои умения. Ждала ли я вызова к Зануку? Если честно, ждала, но не получала. Не знаю, почему не заинтересовала его совсем, но контракт со мной продлили, это означало, что Даррил Занук меня на студии терпит.

Хотите, честно расскажу, почему меня вышвырнули со студии даже после двух вполне сносных ролей и долго не брали обратно. Приличную роль на «Фоксе» я получила только благодаря вражде Занука со Скурасом через несколько лет, помыкавшись перед этим и без работы, и на «Коламбии»!

На одном из приемов, оказавшись рядом с Зануком, я сделала все, чтобы он обратил на меня внимание. Возможно, все закончилось бы благополучно, но прежде чем это произошло, услышала, как Даррил презрительно отзывается о нынешних молодых актрисах, только и способных... в общем, работать стоя на коленях перед боссом, сидящим в кресле. Мол, за это ждут ролей, а потом проваливают фильм за фильмом.

И столько было в его голосе брезгливости, что я даже содрогнулась. Я знаю, что актрис, которых он любил, Занук мог хлопнуть по задку в знак симпатии и потом спокойно продолжить разговор. Это не казалось чем-то страшным, как и услуги, оказываемые старлетками, но презирать...

Через несколько минут один из знакомых буквально подтащил меня к Зануку и полушутя посоветовал:

– Ну, дайте Вы ей роль, мучается же без дела!

Роли уже были, потому что подходил к концу год работы, значит, Занук меня помнил (он помнил всех, кто работал на студии).

Наши глаза встретились. У Даррила Занука взгляд стальной даже после нескольких коктейлей и при разглядывании симпатичной девушки.

– Зайдите ко мне завтра в 16.00.

Это был тот самый шанс...

Знаете, я человек уступчивый и отказывала редко. Обычно всем нужно мое тело, но это оболочка, поэтому я дарила ее свободно, секс не задевал душу и не казался чем-то позорным. Никогда и ни с кем не спала за деньги, но Ли Страсберг, сказавший, что внутри я шлюха, наверное, был прав. Однако шлюхи тоже бывают разные – продажные и... вот такие, как я.

В ответ я спокойно... покачала головой. У Занука лишь слегка приподнялась бровь:

– Вольному воля.

Я прекрасно понимала, что контракт не продлят, но в глубине души теплилась надежда, что Занук, наоборот, оценит мою неуступчивость. Очень хотелось верить, что он заметит мое желание стать настоящей актрисой, готовность много работать, стремление стать лучше...

Но, наверное, таких устремленных, как я, Занук видел немало... Не оценил, а вот отказ запомнил.

Я никому не рассказала об этом отказе, потому что никто не понял бы. Девушка, готовая спать с другими, отказала тому, в чьих руках ее судьба? Дура, да и только! От меня не убыло бы, но что-то заставило помотать головой, внутри сидела уверенность, что если соглашусь, то потеряю что-то очень ценное.

Такое я делала трижды, и все три раза это дорого обошлось. Потом были еще Гарри Кон и Кроуфорд, которая вылила на меня в прессе столько грязи, сколько не смог никто другой.

Но пока контракт еще действовал, и я даже появилась в двух фильмах – «Скуда ху! Скуда хей!» и «Опасный возраст». Первым сняли «Скуда...», где я играла ученицу средней школы. Всего несколько минут, несколько реплик, но когда я попыталась в готовом фильме найти и услышать себя, то была потрясена: почти все сцены оказались вырезаны, а из реплик осталась

одна: «Привет, Рэд!» Когда актер отвечал: «Привет, Пеги!» – меня на экране уже не было. Шикарно, не правда ли?

В «Опасном возрасте» немного больше, даже одна смешная фраза, но фильм прошел незамеченным и ни славы, ни новых предложений не принес.

Отдушиной стали мои занятия в «Лаборатории актеров». С начала 1947 года я по направлению «Фокса» начала посещать эту студию. В «Лаборатории» актеры, режиссеры и драматурги с Бродвея показывали свои работы как бы в черновом варианте, которые потом, будучи основательно переработанными, ставились на Бродвее, а еще вели неофициальные курсы повышения актерского мастерства. Не скажу, чтобы эти занятия были строго спланированы или продуманы, даже просто систематичны, но они очень много давали молодым актерам, желавшим научиться.

Мы под руководством и при участии опытных театральных актеров читали пьесы, анализировали их, пытались что-то играть. Я впервые в своей жизни увидела настоящую актерскую игру и поняла, как можно выразить чувства словом, взглядом, движением. В кино совсем иное, там все дробится на отдельные реплики, минутные съемки, которые снимаются вовсе не в той последовательности, которая должна быть по сценарию, а так, как удобнее режиссеру, реквизиторам, как позволяют условия. На съемочной площадке невозможно создать цельный образ, он неминуемо раздробится на мелкие осколки, и хорошо, если его удастся собрать, как красивую мозаику...

Здесь я видела иное: во время сценического действия образ рождался не за месяц съемки, а за час-полтора, он казался живым, казалось, игру актеров можно потрогать. Это было потрясением, потому что я никогда раньше не видела театральных постановок и поняла, что такое искусство несоизмеримо серьезнее и сложнее, что ему нужно долго учиться, а любую роль не просто схватывать на лету и наспех играть, потому что свет поставлен и камера ждет, а репетировать. А еще, что в спектакле ничего нельзя сиюминутно исправить, как сыграно, так сыграно, в следующий раз можно сыграть лучше или иначе, но каждый раз как единственный.

Это понимание меня потрясло. Возможно, я не сознавала тогда, но невольно встала перед выбором, который мучает меня до сих пор: долго и упорно учиться, чтобы играть серьезные роли в серьезных спектаклях, или добиться быстрого успеха яркими, но менее глубокими выступлениями.

Понимаете, Док, у меня уже было имя Мэрилин Монро, под которым я числилась на студии, но представлялась как Норма Джин и все еще была ею. Мне очень хотелось учиться, я училась, читала, слушала, репетировала сама.

Очень стыдилась своей необразованности, если бы кто-то умный и опытный посоветовал, как заняться самообразованием, какие книги читать, я быстро бы освоила многое, но никого интеллектуальный уровень Нормы Джин не интересовал. В «Лаборатории» мне пеняли на неразвитость, но и только. До сих пор я интуитивно читаю все, что вызовет интерес, даже Артур Миллер не стал заниматься моим образованием, хотя должен бы вместо того, чтобы пенять на интеллектуальную неразвитость супруги. Теперь уже бывшей супруги.

В библиотеке Голливуда не было в то время более жадной читательницы, хотя и там никто не посоветовал лучшие образцы литературы, не поинтересовался тем, как именно я читаю. Меня часто упрекали в поверхностном чтении, в том, что «проглатываю» книгу, мало что из нее вынося, но это из-за желания прочесть как можно больше, скорее догнать тех, кто начитан и образован.

Наверное, если бы не «Лаборатория», я позже не стала бы заниматься ни у Наташи Лайтесс, ни у Михаила Чехова, ни у Ли Страсберга, с меня вполне хватило бы уроков танца и вокала. «Лаборатория» зародила во мне желание научиться играть всерьез, что Голливуду тех

времен не очень-то нужно, во всяком случае, от старлетки не требовалось вовсе. Меня не видели актрисой, а потому продлевать контракт еще на полгода отказались.

Лайон смущенно бормотал, что студия в тяжелых финансовых тисках, что приходится сокращать многих, не только меня, это было правдой, но жизни мне не облегчало.

«Мистер Занук считает, что Вы совершенно нефотогеничны и вряд ли когда-либо станете настоящей актрисой».

Если бы от чьей-то ненависти умирали, то Занук должен свалиться в ту же минуту! Не было в мире человека, которого я ненавидела больше, чем Даррила Занука. Он считал меня нефотогеничной! Меня, которую без конца фотографировали для обложек самых лучших журналов настоящие профессионалы! Мне практически не дали возможности показать себя и уже увольняют. Это нечестно, несправедливо.

Меня не видели в игре, увольняли только за нефотогеничную внешность. Это тоже была катастрофа, потому что я надеялась научиться играть, петь, танцевать, однако стать выше или фотогеничнее просто не могла. Получалось, что я зря считала себя привлекательной?

Несколько дней я просто прорыдала, уткнувшись в подушку. Успокоить некому, тетя Энн болела и вынуждена была лечь в больницу, причем все понимали, что это серьезно и надолго. Я оставалась одна, потому что общаться с постоянно пьяной Грейс не хотелось совсем. И вот теперь меня отвергла студия, вышвырнул вон Голливуд.

Понимаете, это страшно не только потому, что я оказалась старлеткой-неудачницей, таких тысячи, а потому, что отвергала очередная приемная семья, в которой я пыталась удержаться. Я столько раз в своей жизни оказывалась выброшенной вон, что казалось, этот уже не переживу. Тем более надежды не оставалось никакой.

Из зеркала на меня смотрела вовсе не красотка с журнальной обложки, а простенькая, глупенькая, ни на что не годная пустышка. Я снова не соответствовала требованиям и снова оказалась никому не нужна. Умения принимать выигрышные позы перед фотоаппаратом оказалось мало, а большего просто не было.

Однако реви не реви, жизнь продолжалась, в ней надо было как-то устроиваться.

Денег оставалось совсем немного, возвращаться снова к позированию для обложек журналов не хотелось, заниматься чем-то еще, кроме кино, тем более. Но это факт – ровно через год после появления на студии, сыграв всего две незаметные роли и не будучи даже упомянута в титрах (нет, кажется, была, но это почти насмешка), я оказалась на улице безо всяких средств к существованию и надежды вернуться обратно. Просто какой-то там новый закон запрещал студиям навязывать вместе с хорошими фильмами, которые прокатчики брали с удовольствием, второсортные дешевые картины. Это перекрывало путь к зрителю таким фильмам, как «Скуда ху! Скуда хей!», а значит, делало ненужным толпу старлеток. Большинство тех, кто играл слишком мало или не играл вообще, как и меня, уволили.

Цена карьеры

Сейчас поймете, что я нарисовала. Вот так – несчастным приبلудным котенком – воспринимала меня Люсиль Кэрролл.

Не представляю, что бы делала, не встретиться мне чета Кэрроллов.

Я знаю, многие обвиняли меня в том, что бессовестно использовала добродушие Кэрроллов на пользу себе. Возможно, так и было, но почему бы не воспользоваться, если у людей есть возможность помочь. Когда у меня есть возможность, я тоже помогаю и даю деньги, я нежадная.

А не принять тогда любую помощь я просто не могла, потому что, оставшись без работы, я осталась и без самой возможности жить. Принимая девушек на студию, никто не предупреждает их, что в случае непродления контракта они могут вообще забыть о работе на киностудии. Все очень просто: если контракт на следующие полгода не подписан, то идти на другую студию почти бесполезно, значит, либо девушка совершенно ни на что не годна, либо слишком строптивая, что никому не нравится. Объяснять, что у студии проблемы с финансами, бесполезно, проблемы у всех одинаковы, и никто не станет давать еще один шанс той, которая не воспользовалась таковым у других. Если шанс и дают, то крайне редко и только по чьей-то протекции, пришедшим с улицы никогда.

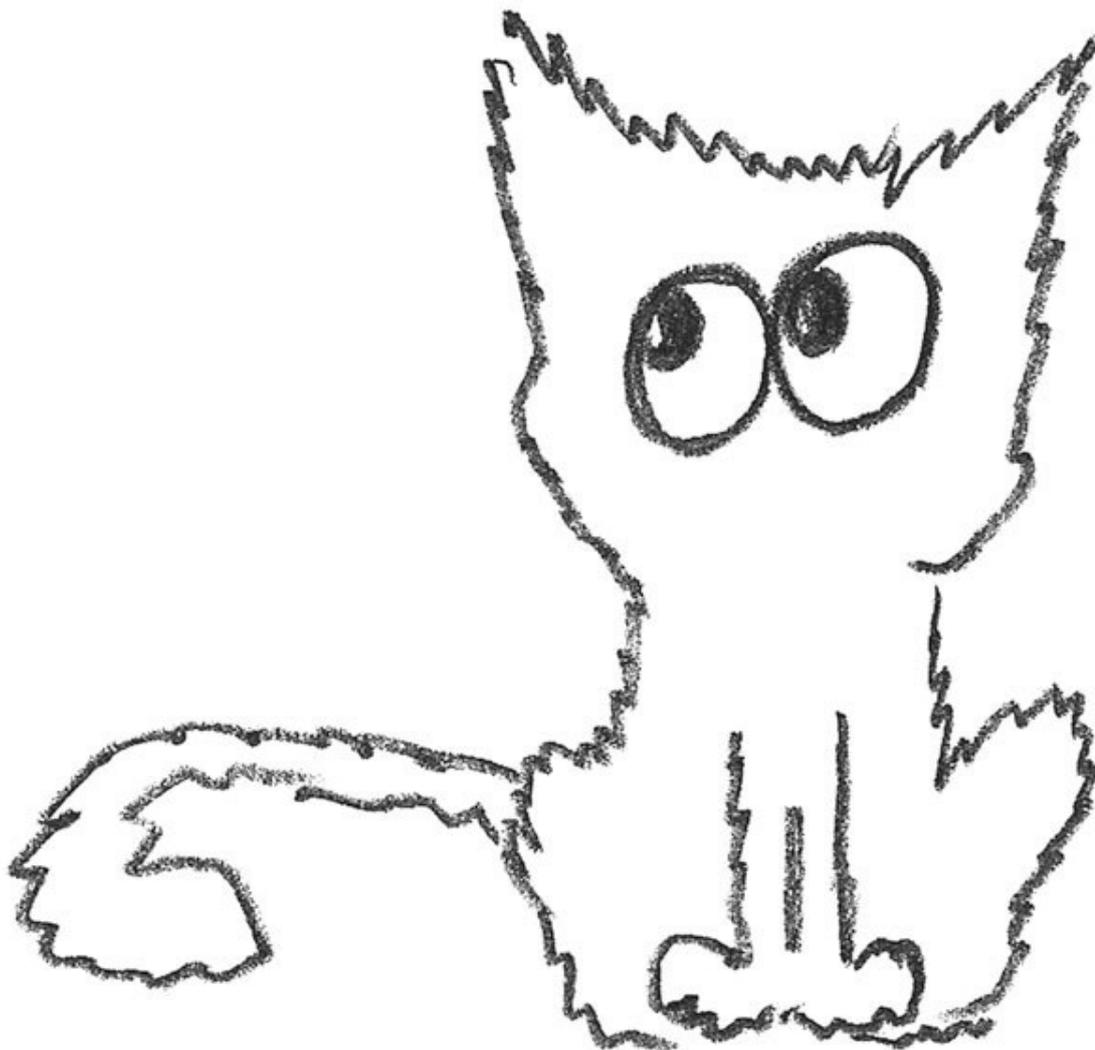
С Кэрроллами я познакомилась незадолго до окончания контракта с «Фоксом», когда была отправлена в гольф-клуб носить здоровенную сумку с клюшками за игроками. Такое не редкость, свою крошечную заработную плату от студии мы отработывали сполна не на съемочной площадке, а больше вне ее. И «носильщицами» тоже бывали частенько.

Меня прикрепили к Джону Кэрроллу, красивому киноактеру, женатому на Люсиль Раймен, которая руководила подбором актеров на студии «Метро-Голдвин-Майер». Блестящий шанс попасть на глаза нужному человеку. Разве можно меня судить за то, что использовала его сполна?

После игры, во время которой я стоически таскала клюшки за Джоном, все собрались на небольшую вечеринку. Но я не хотела пить, я хотела есть. Однако ни наесться, ни даже просто попасть домой не могла – не на чем, я просрочила ежемесячную оплату машины, ее отобрали, и оставалось только возвращаться из клуба пешком. Те, кто бывал в Лос-Анджелесе, прекрасно понимают, что это просто невозможно.

На меня обратили внимание немало мужчин, присутствующих на вечеринке, но я интересовалась только Кэрроллами, почувствовав во взглядах Люсиль готовность помочь. Пришлось честно признаться ей, что у меня нет денег, чтобы добраться до дома, а в животе пусто со вчерашнего дня. В результате Джон отвез меня поужинать, а потом доставил к дому. Но этим все тогда и закончилось.

Позже Люсиль говорила, что я казалась ей маленьким, потерянным котенком, промокшим и несчастным. Она пожалела это создание...

Когда вспоминаю Люсиль Раймен-Кэрролл, мне всегда представляется котенок, хотя себе казалась щенком, тоже маленьким и несчастным. Хотелось прижаться к кому-то и попросить:

– Возьмите меня в дом, я не буду оставлять следов грязными лапами и грызть мебель...

Но Лос-Анджелес не то место, где дают приют несчастным щенкам, к тому же имеющим неплохую фигуру. Есть ли на земле такое место? Тогда казалось, что нет.

Я была в отчаянии, потому что единственная надежда на Кэрроллов рухнула, чтобы хоть как-то прожить, оставалось попросту идти на бульвар. Научившись обходиться даже без машины, я все же не могла обходиться совсем без еды. Сейчас скажу то, за что Вы, возможно, перестанете меня уважать, но это было, и отказываться от своего поведения я не собираюсь. Последние доллары, скопленные за время работы на студии, я тратила на оплату ничтожного жилья, потому что тетя Энн легла в больницу, и надолго, а в ее квартиру въехали другие жильцы, которым я была вовсе не нужна. На еду мне приходилось зарабатывать своим телом. Да, да, я делала это за еду.

Противно? Но я никогда не занималась сексом за деньги, только за кормежку, чтобы попросту не подохнуть с голода. Когда я однажды рассказала об этом Ли Страсбергу, он поморщился, мол, такой факт наложил отпечаток на все мое поведение. Наверное, но я все равно его не отрицаю.

А вот Трумэн Капоте меня понял, он сказал, что лучше уж так, чем отдаваться за деньги.

Кэрроллы пришли мне на помощь тогда, когда я уже ни на что не надеялась. Всюду были долги, за крошечную комнату не оплачено, и никакого света в конце тоннеля. Они пригласили меня на ужин. Когда бывала возможность, я старалась наесться впрок. Основательно накормив и распросив, Джон и Люсиль сделали мне роскошный подарок – предложили пожить в гостевой комнате их огромной квартиры в Эль-Паласио. Такое могло только присниться! Кроме того, они дали мне денег на выкуп машины и на разные расходы, чтобы я не чувствовала себя нищенкой и не вздумала идти на бульвар.

Мы заключили договор о том, что они выплачивают мне еженедельно по сто долларов, я живу в их доме и ищу работу, а когда найду, то постепенно верну деньги и найду себе жилье.

Я не понимала только одного: почему Люсиль не хочет просто пригласить меня на «МГМ» и дать работу там. Но она сказала, что я не подхожу студии, нужно попробовать в другом месте, а пока лучше поучиться.

Но я не подходила Кэрроллам так же, как не подходила Годдардам, мне показалось, что Джон неравнодушен ко мне, как и Годдард, больше того, готов сделать решительный шаг. Конечно, я была моложе и заметно красивее Люсиль, хотя до ее интеллекта мне далеко, она образованная и начитанная, но мужчинам далеко не всегда нужен у женщины ум, достаточно тела.

Вообще, вращаясь среди знакомых Кэрроллов, я с удивлением наблюдала, как красивые, умные, богатые мужчины, которым не отказала бы ни одна женщина, обожают своих немолодых и некрасивых жен, а красавицы с потрясающими фигурами влюблены в невзрачных мужей. Почему так? Люсиль на мои вопросы отвечала, что это любовь. Любовь... тогда я вообще не понимала, что это такое. Спать вместе? Но рано или поздно все равно надоест.

Я видела экранную любовь, когда страсти преувеличены, но теперь прекрасно знала, что это выдумка, а ни в какую другую не верила. Поэтому мне и в голову не приходило, что Джон не способен соблазниться мною, будучи женатым на Люсиль. Тетя Энн, узнав, что я тогда сделала, пришла в ужас:

– Они просто вышвырнут тебя из своего дома!

Но Кэрроллы не вышвырнули, хотя я открыто поинтересовалась у Люсиль, даст ли она развод Джону, чтобы тот женился на мне. Люсиль оказалась на высоте (не представляю, что сделала бы я сама на ее месте!), она спокойно ответила, что, если Джону нужен развод, пусть скажет об этом сам. Тогда я спросила у Джона, тот пожал плечами и ответил, что просто оказывает мне посильную поддержку и финансовую помощь.

Но теперь было понятно, что что-то должно измениться, оставлять меня в доме дальше нельзя. Док, я не собиралась замуж за Джона, я хотела стать актрисой и, сыграв наивную и немного испорченную дурочку, просто вынудила Люсиль активно помочь мне получить работу, чтобы убраться из их жизни. Воспользовалась своим положением и жалостью к себе. Помогло!

Если бы не это, можно еще долго жить на птичьих правах у Кэрроллов, не имея никакой перспективы. Понимаете, Люсиль хотела, чтобы я серьезно училась актерскому мастерству, она поддерживала мои занятия в «Лаборатории...» и в любительском Театре Хейденов, откуда сама Люсиль временами приглашала актеров на съемки в свою студию.

Вообще-то я рассчитывала, что Люсиль пристроит меня к себе, ведь она занималась подбором актеров в «Метро...», но она категорически отказалась, мол, там не нужен тот типаж девушек, какой есть у меня. Из этого следовало, что мне либо нужно менять свой типаж, либо учиться актерскому мастерству, чтобы играть не глупых красоток, а серьезные роли.

Я очень хотела бы играть серьезные роли, играть так, как я видела в «Лаборатории», чтобы за душу брало, чтобы от волнения дух перехватывало, но, если признаться честно, у меня ничегошеньки не получалось, вернее, я даже не могла решиться выйти вперед и произнести несколько слов перед собравшимися. Оказалось, что смотреть на экран и думать, что сможешь

выразить страсть, радость, боль... это одно, а действительно что-то сделать перед камерой или перед зрителями совсем другое. Но я верила, что научусь, обязательно научусь.

А пока во мне словно жили два человека, одну тянуло выйти на свет прожекторов, стать звездой, вторую, наоборот, спрятаться подальше и только наблюдать. В театре побеждала вторая, я скромно сидела на заднем ряду, и выйти на сцену было очень трудно. К тому же обнаружилось, что у меня отвратительная память, нет, сам текст я запоминала довольно быстро, а вот вытащить нужную реплику из памяти в нужное время не могла никак. Это моя беда и сейчас, я помню роли, помню каждую реплику, не только свою, но и всех партнеров, но когда приходит время произносить, словно что-то эту память замыкает. Знаменитое неумение Мэрилин Монро выучить свои реплики...

Никто ничего поделать с моей памятью не может.

Мне было очень трудно выставить себя на всеобщее обозрение и оценку, когда требовалось сыграть что-то серьезное. Но происходило нечто удивительное, когда я пыталась сыграть пустые роли, особенно комедийные, или те, где требовалось петь и танцевать. Понимаете, Док, когда я изображала Мэрилин Монро, я забывала о зрителях, об оценке, о своих страхах, заикании и плохой памяти. Однажды Артур Миллер сказал, что единственная роль, которая мне удалась, – это роль Мэрилин Монро. Наверное, он прав, потому что, будучи Мэрилин Монро, я словно становилась самой собой, тогда и реплики не забывались, и дыхание не сбивалось, и тело слушалось. И страшно не было тоже.

Док, а может, правда, моя единственная и самая успешная роль – Мэрилин Монро? Но если бы ее не считали глупой Блондинкой! Я согласна играть мечту миллионов Мэрилин Монро, если бы люди поверили, что внутри этой Блондинки не пусто, что у нее есть мозги, если бы не относились ко мне как к красивому котенку. Есть роковые брюнетки, почему нет роковых блондинок? Я согласна стать роковой блондинкой, только не надо думать, что глупой.

Но я отвлеклась.

Люсиль и Джон почти не жили в своей квартире, предпочитая ранчо, поэтому я чувствовала себя там достаточно свободно, разгуливая нагишом, подолгу простаивая перед зеркалами, примеряя купленные платья и бюстгальтеры. Бюстгальтеры – моя страсть: чтобы не провиснуть, грудь всегда должна иметь поддержку, если у Вас есть жена или любовница, обязательно скажите ей об этом.

На занятиях в любительском театре я сидела позади и молчала. В «Лаборатории» тоже. Слова «погружение», «проникновение в подтекст драмы» и прочее были для меня свидетельством заоблачных знаний и высот, но, как туда попасть, никто не подсказал. Оставалось пялиться в небо, раздражая наставников. Никто не мог понять, как я намерена чему-то научиться, если из меня слова клещами не вытащить.

Это было так, но не потому, что от волнения начинала заикаться, а потому, что я представляла их всех где-то вверху и большими-большими, а себя внизу и маленькой. Казалось, если что-то не получится, эти небожители, которые, выходя на сцену, спокойно и свободно произносят любые диалоги, голосом, жестами, телом выражая потаенные эмоции, поймут, что я приبلудный шенок, и вышвырнут за дверь. Нет уж, лучше сидеть молча, чтобы как можно дольше не догадались.

Зато, одевая облегающее, даже обтягивающее платье и выходя на бульвар (нет, не за тем, чтобы заработать, а просто прогуляться!), я совершенно менялась. Под восхищенными взглядами мужчин забывалась робость и страх перед разоблачением, откуда-то сама по себе бралась грация, я чувствовала себя уверенной, красивой...

Наверное, руководители Театра миниатюр Лили Блис и Гари Хейден сказали Люсиль, что меня бесполезно учить, что я слишком робкая, а может, Кэрроллы догадались сами, но

они наконец решили взяться за мое трудоустройство. Конечно, никто не собирался принимать меня в театр на постоянной основе, оставалось пристроить куда-то на студию, а лучше сначала показать кому-то всесильному.

Люсиль все еще не желала приводить меня на свою студию, но она посоветовала обратить внимание на Джозефа Шенка. Шенк был одним из трех руководителей все того же «Фокса», и все знали, что против Занука он никогда не пойдет, но у Джо возможностей куда больше, чем у Люсиль Раймен.

Кэрроллы познакомили меня с Де Чикко, а тот ввел в дом Джо Шенка.

Джозеф Шенк прилип ко мне с первого вечера. Он был один из трех всесильных в «XX век – Фокс», возвращаться куда мне не слишком хотелось. Но если выбирать между голодной жизнью с сексом в машинах за еду и студией «Фокс», я выбираю второе. Кэрроллы сумели от меня отвязаться, потому что опеку принял Шенк.

Джозеф Шенк заслуживает отдельного разговора не меньше Даррила Занука.

Кэрроллы очень не хотели, чтобы я рассказывала об их участии в знакомстве с Де Чикко, хотя я не видела в этом ничего дурного, но согласилась и стала всем говорить, что сумела соблазнить Шенка одним-единственным взглядом, когда случайно встретила выезжающим со студии. Вообще-то я действительно соблазнила Джо единственным взглядом, но он был уже слишком стар, чтобы сразу кидаться на молоденькую старлетку, однако помог мне по-настоящему.

В то время Джо был председателем правления студии, однако с Зануком у Шенка существовала четкая договоренность: никогда, ни при каких обстоятельствах не пристраивать на студию своих подружек, поэтому все знали, что обращаться к Шенку за протекцией бесполезно. Вряд ли Люсиль рассчитывала, что Шенк заставит Занука принять меня обратно, но она знала связи Джо на других студиях и все рассчитала верно.

Джо Шенк на время стал моей тихой гаванью, в которой удобно спрятаться в случае бурь или неудач. Я всегда знала, что у Джо могу вдоволь поесть и даже пожить, правда, не слишком долго, Шенку вовсе не хотелось, чтобы кто-то считал меня его любовницей. Почему? Это налагало определенные обязательства, а связывать себя чем-либо никто в Голливуде не желает.

Знаете, я сразу почувствовала, что на Шенка нельзя давить, оставалось только ждать, когда он решит помочь сам. Джо всегда умел обхаживать женщин, даже если ему ничего не было нужно, он сразу понял, что я не возьму деньги, а дорогие подарки мне просто не нужны, и стал просто приглашать к себе.

Я вовсе не была одинока в богатом доме Шенка, таких девочек, подносящих собравшейся компании сигареты и выпивку и забирающих пустые стаканы, было несколько, нет, нас не звали к столу, мы были чем-то вроде обслуги. И когда Шенк вдруг стал выделять именно меня, со стороны других появилась зависть. Со временем я уже сидела за столом рядом с Джо, но в тесном кругу у бассейна все равно подавала напитки.

Но это все равно была возможность поесть, а заодно послушать разговоры о звездах кино, их причудах, капризах, талантах. И это лучше, чем зарабатывать ланч на заднем сиденье автомобиля. Однажды Шенк строго наказал мне в случае необходимости не лезть в машину к кому попало, а просто позвонить и сказать, что хочу есть. Я ответила, что предпочла бы зарабатывать на еду, снимаясь в кино.

У Джо Шенка я нередко встречала Даррила Занука, все же они были коллегами и даже приятелями, но ни разу не осмелилась попросить вернуть меня на студию. Возможно, он ждал, но не дождался, лучше подавать напитки гостям Шенка, чем выпрашивать что-то у мерзкого Занука! С Зануком мне пришлось еще много раз сталкиваться и испытывать его ненависть, с трудом сдерживая свою собственную, Даррил никогда не упускал возможности унижить и

поставить на место, но наступил момент, когда я смогла ответить ему тем же! Тогда до этого было еще очень долго....

Знаете, что я поняла сейчас – во мне всегда была Мэрилин, даже когда я ходила в школу в старых юбках и блузках, а мальчишки спорили за право нести мои книги и пакет с бутербродами. Просто тогда Мэрилин была нимфеткой, а потом повзрослела. Именно она заставила меня сладострастно выгибаться на фотографиях, особенно когда меня снимали обнаженной для календаря.

Уже тогда я была в душе курвой-блондинкой, потому что смущавшаяся Норма Джин ни за что не смогла бы напроситься в дом к Кэрроллам, нагло претендовать на место рядом с Джоном, разгуливать по бульвару, выпятив грудь ради привлечения внимания мужчин, а потом спокойно принимать участие в вечеринках у Шенка. Мэрилин Монро придумал не Бен Лайон, он только дал имя, Мэрилин существовала давным-давно, и Джим Догерти понимал это, когда сбежал от меня в море.

Я выглядела Нормой Джин – златокудрая смущающаяся девушка, которую нужно жалеть и опекать, этакий потерявшийся, промокший котенок. Карен Бликсен сказала, что я львенок, симпатичный детеныш, которого она, однако, не рискнула бы оставлять рядом навсегда, потому что львята вырастают в больших львов. Она права.

Получается, что в те времена я внешне была Нормой Джин, а внутри Мэрилин, и мне предстояло выбрать, кто должен одержать верх. Норме Джин очень нравились занятия в «Лаборатории актеров», нравились серьезные роли в серьезных пьесах, хотелось научиться играть профессионально, стать настоящей актрисой... Но ничего не получалось.

Мэрилин откровенно тянуло в другую сторону. Я сознавала, что могу стать успешной быстро, достаточно использовать свою фигуру и не быть слишком строптивой. Курва-блондинка желала получить все и сразу, а еще доказать всем и самой себе, что не зря решила попытать счастья в кино. И ей удавалось многое, причем удавалось легко, будь то чье-то сочувствие или звездная роль.

Понимаете, именно тогда, а не раньше или позже мне пришлось делать главный выбор в жизни. Останься я Нормой Джин, можно было бы найти второго Джима Догерти, еще раз выйти замуж, нарожать и растить детей, изредка посещая кинотеатр и в темноте зрительного зала вздыхая о несбывшейся мечте. Очень многие девушки, которых отвергли киностудии, так и поступали, они превращались в степенных женщин и осуждали девиц, которым удалось пробиться: «Знаем мы, какой ценой!»

Свет мой зеркальце, скажи...

Цена действительно была всем известна, недаром говорили, что роли у режиссеров и продюсеров выпрашиваются в позе на коленях и гольшом. Для Нормы Джин это было неприемлемо, Мэрилин не смущало.

Выбор был не слишком трудным. Да, я очень хотела стать серьезной актрисой, но я просто хотела есть, и где-то надо жить. Пристанище в гостевой комнате у Кэрроллов было очень удобным, даже роскошным, но оно временное – это понимали все. Мэрилин победила, Норма Джин послушно выполняла все требования Джона Шенка и тех, к кому он меня отправил.

А ведь все, с кем я так или иначе общалась, с кем работала, от кого зависела, все чувствовали эту двойственность – Мэрилин и Норма, а я сама всегда ею пользовалась. Когда нужно, чтобы пожалели, вперед выступала Норма, а когда нужно взять свое – Мэрилин.

Вот до чего договорилась!

Но это так и есть, эта двойственность помогла мне стать звездой, а потом превратилась в кошмар. Знаете, что произошло потом? Мои наставники просто поменяли нас местами, вытаскивая наружу Мэрилин и упрятав Норму Джин внутрь. А я сама уже несколько лет пытаюсь ее вернуть.

Док, а может, лучше плюнуть и остаться Мэрилин во всем, все равно меня воспринимают именно такой и страшно разочаровываются, узнав, что это только образ, внешность. Никому не нужна сомневающаяся, страдающая Норма Джин, зато всем нравится Мэрилин, может, лучше пойти на поводу у всех?

Шенк не мог вернуть меня на «Фокс», это означало бы скандал с Зануком и ни к чему хорошему не привело, отправил на студию «Коламбия» к Гарри Кону, с которым частенько проводил вечера за картами. Мне было сказано просто: сумеешь очаровать Гарри – сможешь получить от него контракт. Норма Джин засомневалась бы, Мэрилин согласно кивнула.

Я очаровала Гарри Кона, которого дружно ненавидели все актеры Голливуда, и получила полугодовой контракт и сто двадцать пять долларов в неделю.

Мэрилин делала куда большие успехи, чем Норма Джин, потому что в любительской актерской студии у супругов Хейденов, куда меня пристроили ради развития актерского таланта Кэрроллы, успехов не было никаких, роли на сцене не давались категорически, Норма Джин предпочитала тихо сидеть в стороне.

Именно по требованию Кона я окончательно стала блондинкой. На сей раз сомнений не было вообще, я прекрасно понимала, что любой каприз или несогласие будут означать новую потерю работы безо всякой надежды получить ее еще раз. За меня взялись всерьез, укоротив волосы, выпрямив их и обесцветив, потом сделали нужные снимки и отправили учиться актерскому мастерству к Наташе Лайтесс, которая стала моей наставницей надолго и сыграла в судьбе немалую роль.

Я пришла в Голливуд за полтора года до этого, успела помяться в качестве старлетки, поголодать, оказаться выброшенной за ворота, испытать весь ужас безнадежности, понять, что есть настоящее искусство и актерское мастерство, но оно мне просто не по карману, и сделать выбор в пользу успешной Блондинки, у которой по крайней мере будут деньги на один бутерброд в день.

Наверное, этот путь проходят очень многие, если не все актрисы Голливуда, редко кому удается не встать на колени перед режиссером, для этого нужно иметь надежный тыл и средства к существованию. Если содержать тебя некому, выбора не остается.

К тому же я осталась совсем одна, потому что умерла моя любимая тетя Энн. Грейс почти спилась, а мама... о, мама в очередной раз убедила всех, что мы ее плохо знаем! Она выписалась из больницы и вышла замуж за какого-то коммивояжера. Я не могла поверить: если можно выйти замуж, значит, она не столь уж безумна и просто прикидывалась? Тогда зачем вся эта игра, к чему осложнять жизнь мне?

Тогда я не знала, что у Глэдис просто временное просветление, которое довольно скоро обернется новой больницей, теперь уже окончательно. Но сумасшедшую мамочку мне еще не раз припомнят, а в те дни была даже рада, что она исчезла из моей жизни, ведь на студии я по-прежнему числилась круглой сиротой.

Началась работа в «Коламбии», это был очередной виток, я словно ходила по замкнутому кругу, никуда не приходя в результате. И мало что изменили съемки в «Хористках». Сейчас вспоминаю, что не испытала большой радости, получив вместе с контрактом маленькую роль в этом фильме, словно чувствовала, что все это ненадолго.

Но «Хористки» меня обнадежили и дали наконец имя в титрах.

А еще в это время я снова попыталась создать семью. Просто в «Хористках» требовалось петь, значит, нужны вокальные репетиции. Моим музыкальным наставником стал Фред Каргер, которого все считали красавцем. Он таковым и был, светловолосый, с правильными чертами лица, очень музыкальный Фред понравился мне почти сразу. И я ему тоже, хотя говорили, что он женоненавистник. У Фреда имелся негативный семейный опыт и развод, причем ребенок остался с отцом, а не с матерью. О бывшей жене Каргер разговаривать не желал совсем, что я вполне понимала, мне тоже не хотелось вспоминать Джима Догерти.

У Каргера была немаленькая семья – мать и сестра с детьми, тоже разведенная. С его матерью миссис Энн Каргер у нас моментально установились прекрасные отношения, ей нравилось опекать бедную девушку, не всегда имевшую деньги на оплату обеда. Энн Каргер обожала готовить, а потому чувствовала себя просто счастливой, когда слышала мои искренние комплименты своим кулинарным талантам.

Сам Фред всю старался развить другие мои таланты и очень преуспел, во всяком случае, критика из всего фильма отметила только мои песни. Бедному Фреду пришлось нелегко, потому что белый рояль, купленный мамой, вовсе не означал, что я умею играть или знаю нотную грамоту. Но чтобы понравиться Каргеру, я готова выучить не только нотную грамоту или несколько песен, а целую оперу (хорошо, что этого не пришлось делать, в опере скучно, я не люблю, когда только поют и ничего не говорят).

Фред занимался со мной часто и подолгу, гораздо больше, чем требовалось согласно его обязанностям, нам не хватало времени в студии, и мы пели дома. Что могло быть лучше – Фред за роялем, а я у рояля?

Я пела и пела, а потом старалась отблагодарить Фреда так, как умела – любовью. В те месяцы казалось, что счастье найдено – у меня такой прекрасный любовник, я нравлюсь его семье, карьера актрисы наконец начала складываться (всем было ясно, что мои музыкальные номера звучат куда лучше, чем у остальных). Наташе Лайтесс я сказала, что Фредди – мужчина моей мечты, но она почему-то не слишком верила в мое такое близкое счастье. Честно, с Фредом я поняла, что заниматься сексом можно не только в качестве благодарности или за еду, но и по любви! Такое открытие многого стоило и сделало меня счастливой.

Конечно, я мечтала о семье, о замужестве с Каргером, ведь многие актрисы были замужем и при этом прекрасно справлялись с ролями в кино. Наверное, если бы тогда меня поставили перед выбором – кино или семья, я выбрала бы семью, потому что уверенности в своем актерском будущем уже не чувствовала. Но никто не поставил.

Почти месяц я жила у Каргеров, обманув их с самого начала. Обманула не со зла или большого расчета, а просто, чтобы меня пожалели. Отправляя меня на «Коламбию», Люсиль Кэрролл оплатила полугодовое проживание в «Студио-клуб», чтобы я не заботилась хотя бы о жилье. Это было замечательно, но мне хотелось дома, семьи, и я схитрила. Когда Фред подвозил меня домой, назвала не «Студио-клуб», а адрес своей знакомой актрисы-старлетки, от квартиры которой на всякий случай держала ключи. Квартирка – настоящая конура в очень дешевом районе, до Кэрроллов я жила в похожих условиях. Каргеры, услышав от Фреда об увиденном ужасе, пожалели меня и позвали жить к себе.

Конечно, в их доме мне было очень трудно отвыкнуть от своих привычек – спать нагишом при открытой двери в спальню, расхаживать по дому раздетой, разбрасывать вещи где попало... Видите, Док, какая я с Вами честная, ничего не скрываю. Нет, скрываю, но то, что знать вовсе не обязательно. У женщин должны быть секреты даже от гинекологов.

Все шло прекрасно, конечно, Фред не торопился делать меня своей женой, но его мама и сестра во мне души не чаяли, а потому я надеялась, что совместными усилиями мы добьемся своего. Налаженная жизнь рухнула в одну минуту. Из «Студио-клуб» позвонили на студию с вопросом, куда это я подевалась, потому что снова не прихожу ночевать. Надо же такому случиться, что свидетелем звонка оказался Фред! Он без разговоров собрал мои вещи и отвез

в «Студио-клуб», заявив, что если я обманула в такой мелочи, то способна обмануть и во всем остальном.

Меня снова вышвырнули прочь, как щенка!

К тому же съемки фильма закончились, а контракт «Коламбия» продлевать не стала, Гарри Кон счел свой карточный долг Шенку оплаченным и потому не был обязан держать меня дальше. Это тем более несправедливо, что пресса отозвалась о моей игре в «Хористках» хорошо, обругав всех остальных. Но Кону наплевать на певичку во второразрядном убыточном фильме, я вовсе не была звездой, и никто не желал меня таковой делать. А ублажать бугая Гарри Кона я желала ничуть не больше, чем Даррила Занука.

Фред не порвал со мной, он даже оплатил исправление моего прикуса, чтобы зубы стали ровнее, и процедуры их отбеливания, постоянно давал советы по этикету, подбору гардероба, манере поведения. Но это был уже не тот Фред, он словно получил подтверждение каким-то своим злым мыслям. Каргер постоянно поучал, причем резким, даже неприятным тоном, высмеивал, внушал, что я ни на что не способна, кроме постельных утех.

Если вспомнить, что меня снова вышвырнули со студии, его слова казались очень справедливыми. Иногда мне кажется, что Фред сыграл свою роль в моем увольнении, на студии уже пошел слух, что он собирается на мне жениться, это совсем не нравилось Каргеру, который постоянно подчеркивал, что мы любовники, и только. Наверняка, он где-то обронил нехорошее слово, потому что захлопывать двери перед актрисой, которую только что похвалила пресса, нелепо.

Сам Фред откровенно меня стеснялся, относился все более пренебрежительно. Почему, ну почему все, кого я любила, кому была готова отдать всю себя, мной пренебрегали?! Наташа Лайтесс говорила, что Каргер презирает меня, потому что я сама под него стелюсь и ему угождаю. Она не любила Фреда и всячески старалась, чтобы мы расстались. Наверное, Наташа права, потому что чем больше я старалась угодить Каргеру, тем хуже тот ко мне относился. Фред совсем со мной не считался, вел себя так, как удобно ему, но не мне, а я страшно боялась потерять любимого, словно это последняя надежда выйти замуж. Нет, даже если бы он не женился на мне, а хотя бы не стеснялся и не презирал, я готова оставаться любовницей, но и в таком качестве я страшно раздражала Каргера.

Фред был недоволен всем: тем, как я одеваюсь, как веду себя, как разговариваю, моей уступчивостью или неуступчивостью, моей необразованностью и стараниями наверстать упущенное, тем, что я мало читала, и тем, что у меня в руках постоянно книга... Иногда казалось, что он вымещает на мне свою злость на самого себя за невозможность меня бросить. Фреду (наверное, как и всем остальным моим мужчинам) нравилось мое тело, но не нравилась я сама, однако отказаться от тела он не мог.

Док, здесь снова борьба между Нормой и Мэрилин, да? Каргеру нужна Мэрилин, а во мне была еще только ее половина. Удивительно, но Фред ненавидел как раз сущность Мэрилин, обожая ее форму. Ему было нужно, чтобы оболочка Мэрилин вела себя скромно и разумно, как Норма Джин. Но разве это возможно?

К сожалению, не один Фред, всем нужна красивая оболочка Мэрилин, миф, выдумка, и все оказываются недовольны, когда понимают, что внутри есть нечто другое. Но если я прячу это другое глубоко-глубоко и веду себя только как Мэрилин, следует другая обида – на глупость, пустоту, никчемность...

Роман с Фредом после моего увольнения со студии довольно быстро заглох, хотя я продолжала поддерживать отношения с его мамой и сестрой.

Наверное, у меня была бы страшная депрессия, потому что снова оказалась без работы и в отставке у Фреда, но меня не оставляли без помощи Кэрроллы и Наташа Лайтесс, а еще в моей жизни появился Джонни Хайд.

Знаете, к тому времени я снова чувствовала себя никем. Меня взяли на студию, я даже подружилась с Каргерами, но внутри уже жило чувство, что все это ненадолго, что скоро снова придется собирать свои вещи и уходить в никуда. Я еще сопротивлялась, еще верила, что с Фредом и его семьей все сложится, я буду приветливой, заботливой, услужливой, я понравлюсь всем, и меня оставят, пусть даже на коврике у двери, но позволят жить в их семье. Я так хотела быть чьей-то!

Может показаться, что это навязчивая мысль, которую я повторяю и повторяю. Но это так, всю свою жизнь я хотела и хочу быть чьей-то, хочу, чтобы меня не бросали, не прогоняли, как собачонку, не выбрасывали из своей жизни, хочу добиться успеха не только телом, но и душой.

Иногда я задумываюсь, не зря ли разорвала брак с Джимми, и понимаю, что не зря, в душе я уже чувствовала, что ничего не получается, что еще немного и Джим откажется от своей неуютной супруги. На сей раз я словно опередила и ушла сама.

Но какая же разница, когда ты не нужна ребенком (это очень страшно, но детей редко бросают на улице, их хотя бы подбирают приюты) и одинока уже взрослой, когда не хватает не просто чьей-то поддержки, ласки, доброго слова, а денег на жилье, на чулки, на еду. Я была достаточно взрослой, чтобы никто не считал себя обязанным протягивать мне доллар на гамбургер, вернее, это делали, но в качестве оплаты за определенные услуги. Я всегда просила лучше купить еду, но не платить, почему-то казалось, что стоит взять сами деньги и скачусь так низко, что больше не смогу подняться.

Была еще одна причина – я так верила в свое блестящее будущее, в то, что смогу стать звездой, так уверяла в этом остальных, что возвращаться и просить помощь стало невозможно. Да и у кого просить, если тетя Энн лежала в больнице, Грейс спилась, а мама помогать мне никогда не могла. С семьей Догерти я рассталась и осталась совсем одна.

Я пришла в Голливуд веселой, уверенной в будущем девушкой, готовой улыбаться всем, а через два года была совсем другой. Наверное, в этом виноват не Голливуд, а мои мечты и надежды. Необходимость зарабатывать на нищенское существование и еду даже своим телом, угождать приятелям Шенка, зависеть от Кэрроллов (хотя они очень помогли мне), потом унижаться перед Каргером, заглядывать в глаза всем, кто мог дать работу и возможность не голодать хотя бы еще один день, не могли не сказаться. Улыбка осталась, но теперь она не была радостной, а стала вымученной. Жизнь оказалась куда более жестокой, чем виделась миссис Норме Догерти. Но я продолжала барахтаться, пытаюсь выбраться наверх и не скурвиться при этом окончательно. Лучше зарабатывать на гамбургеры в автомобиле, чем в кабинете Занука. Пусть меня зовут шлюхой по натуре, но никто не может сказать, что я брала деньги или приходила к Зануку по вызову в 16.00. Это предмет моей гордости, может, и глупо, но иначе я не могла.

И все-таки, если бы ни Хайд, я бы погибла.

Но сначала о Наташе.

Мэрилин Монро

Наташу Лайтесс многие называли черной вороной. Знаете, так и есть, мне она представляется именно такой, причем очерчивающей вокруг меня границу, которую переступить нельзя. Она полностью подчиняла своему диктату.

Наташа считает, что Мэрилин Монро сделала она, мол, это она поставила мне чуть вихляющую походку, научила говорить, научила вообще играть. В какой-то мере это так, без Наташи я снова запуталась бы в ролях и потеряла веру в себя. Хотя, если вдуматься, именно из-за нее я эту веру и потеряла.

Но попробую по порядку, это тоже становление Мэрилин и мучения Нормы Джин.

Наташа говорила, что она русская, хотя в Америку приехала из Германии. Но у нее действительно были русские корни, а еще она обожала и прекрасно знала русскую литературу и систему Станиславского.

Лайтесс работала на студии кем-то вроде репетитора с неопытными актерами, но поскольку небольшой зарплаты на жизнь не хватало, давала частные уроки актерского мастерства. Наташа некрасивая (этого не отрицает даже она сама), высокая, жилистая и очень энергичная особа. Она уже не играла сама, а только учила других, то и дело напоминая, что некогда работала с самим Рейнхардтом.

Первая встреча с ней была ужасной. В комнате, куда я вошла, сидела строгая, неприветливая дама, которой не было никакого дела до моего неумения играть. Наташа делала вид, что занята чтением, она лишь окинула меня почти презрительным взглядом и кивнула на стул. Я понимала, что она сердита из-за моего опоздания, но я задержалась, потому что долго не могла выбрать, в чем идти. Переодевалась и переодевалась. Не подумайте, что я меняла наряды, вытаскивая их из огромного шкафа, это было всего одно платье на выход и два скромных на каждый день, просто мне то казалось, что я слишком ярко наряжена, то что слишком скромно. Бывает, что и три занесенных платья создают проблему.

Трудно поверить, что «девушка Шенка», как меня звали, не имела достаточно одежды? Но это так. Я уходила от всех, у кого жила, почти без ничего и норковое манто, купленное Шенком, оставила у него дома, словно взятое напрокат. Это страшно удивляло всех, но мне

казалось, что так и есть, пока Шенк пользуется мной, он меня одевает, но когда меня зачислили на студию, он перестал быть обязанным меня одевать.

Но к Наташе это не имело никакого отношения, разве что она работала с актерами «Коламбии».

Строгая, какими бывают старые девы, злые на все человечество, она откровенно поморщилась, обозрев мою фигуру. Я заметила, что она вовсе не читает справочник, который держит перед собой на столе, репетитор решила проучить меня за опоздание и заставить также ждать. Я не была в обиде, Наташа имела на это право.

– Прочтите несколько строк. – Наташа протянула мне тот же толстенный справочник.

– Какие?

– Любые! – Ее голос вовсе не стал мягче в ответ на мою растерянность.

Читать справочники вслух – не самое легкое и приятное занятие, особенно под недобрым взглядом старой фурии. Наташа вовсе не была старой, но фурию изображала очень убедительно.

– Громче, я ничего не слышу!

Ей не понравилось все: моя фигура, походка, голос, полное неумение звучно произносить фразы, неумение читать с выражением, даже бугорок на носу! О ярко-красном платье с глубоким вырезом и говорить не стоило. Я не стала объяснять, что другого просто нет, а вырез растянулся, потому что платье одевается слишком часто.

А в отсутствии актерского опыта призналась и в том, что слабый голос, что меня охватывает ступор, стоит зажечься осветительным приборам, а камере начинать наезжать. О себе сказала, что сирота, что очень хочу стать кем-то не столько для успеха, сколько для себя, что мне очень нравится в «Лаборатории актеров», потому что там настоящая игра, а не вихляние бедрами перед камерой...

– Вы хоть понимаете, что от меня требуют невозможного?! За три недели превратить полную неумеху в актрису!.. Этого не смог бы даже доктор Хиггинс!

– Кто?

– Вы не читали «Пигмалиона» Бернарда Шоу?!

Пришлось честно признаться, что нет.

– А что Вы читали? Вы вообще читаете?

– Я очень люблю читать...

Она усомнилась.

– А в театр часто ходите?

– Нет, только в «Лабораторию...».

Наташа буквально застонала:

– Только не говорите, что не слышали о Шекспире.

Она говорила близким к обмороку тоном, но не могла же я лгать, что знаю какого-то там Шекспира наизусть.

– У Вас хорошая библиотека... – Я кивнула на стеллажи, заполненные книгами, и этим, кажется, предотвратила обморок будущей наставницы.

– Толстого?.. Достоевского?.. Знакомы с системой Станиславского?..

При этом имени я чуть оживилась, ничего не зная о Станиславском, я все же слышала это имя в «Лаборатории...».

Оживилась и Наташа, видно поняв, что я не совсем пропащая. После этого она прочитала целую лекцию о русской литературе, русской культуре, системе Станиславского и многом другом. Наташа с жаром говорила о Московском Художественном театре, о Михаиле Чехове, который вынужден жить в Америке, о влиянии Антона Чехова на современную драму... Это был фейерверк знаний, суждений, эмоций... Казалось, судьба свела меня с самой эрудированной, самой замечательной женщиной Голливуда (наверное, так и было), но в то же время она не

подавляла, позволяя и мне чувствовать себя причастной к великой культуре, словно я, Норма Джин или уже Мэрилин Монро, сыгравшая в крошечных эпизодах вихляющих задом дурочек, тоже могу что-то сделать для развития этой культуры.

Соучастие... наверное, это потрясло даже больше эрудиции и напора Наташи.

Но она мгновенно опустила меня на землю. Феерическое выступление закончилось утверждением, что я никуда не поеду! Это было ужасно, словно меня подняли над землей, показали, как все прекрасно, а потом грубо шлепнули лицом в густую грязь!

Я рыдалась, чувствуя, что если и эта женщина меня бросит, то жить больше незачем. Недоброжелатели говорили, что Наташе только этого и было нужно. Возможно, так, потому что она погладила меня, ревушую в три ручья, по волосам и обещала, что мы будем работать и превратим меня в настоящую актрису.

– Научить играть можно любого, нужно только, чтобы человек хотел этого, не ленился. И еще чтобы ему встретился опытный педагог.

Я обещала желать, не лениться и благодарила педагога. Все это от души. Я действительно очень хотела стать не просто звездой, у которой замечают лишь внешность, а настоящей актрисой, от игры которой люди бы лили слезы или задыхались от эмоций.

Док, конечно, я не помню дословно все, что спрашивала или рассказывала Наташа, что отвечала я, но смысл был именно таким: она показала мне перспективу, объяснила, что я никто, и обещала сделать кем-то. А еще сказала, что у меня прекрасные внешние данные, только нужно прекратить одеваться как шлюха и кое-что подправить в лице.

Я разыскала в библиотеке «Пигмалиона», прочитала и была счастлива, что Наташа решила стать для меня доктором Хиггинсом.

Наташа предоставила мне свои книги, не написанные ею, таких не было, а те, что стояли на полках в ее квартире. Вот тогда я и поняла, что все чтение надо начинать сначала, потому что ни одна библиотечная книга, побывавшая в моих руках, в фаворитах у Наташи Лайтесс не числилась и у нее не имелась. Зато были другие...

Нет, Наташе не удалось приучить меня читать медленно и вдумчиво, я все равно «глотаю» книги, получая наслаждение уже от одного того, что держу их в руках. Позже, когда у меня уже появились деньги, я скупала в книжных магазинах все, что привлекало внимание, даже записалась на вечерние курсы по литературе и искусству. Они не давали никакой профессии, были организованы для таких, как я, тех, кто хочет читать хорошие книги и слушать, что говорят о таких книгах умные люди.

А пока это была русская литература... Какое это очарование и удовольствие, Док! Я была совершенно влюблена в тургеневских героинь, обожала Грушеньку из «Братьев Карамазовых», страшно жалела Анну Каренину... Я и сейчас мечтаю сыграть Грушеньку, это по-настоящему женский характер, как мог мужчина так хорошо понять женскую суть? Наверняка ему помогала умная женщина, пусть тайно, но помогала.

Я не очень понимала рассуждения Толстого о русских просторах и русской душе, но Наташа говорила, что это потому, что я не жила в России и не видела этих самых просторов. А о русской душе сама Лайтесс могла говорить часами, утверждая, что она останется непостижимой, сколько бы ни пытался понять. И в ее голосе был настоящий восторг!

– Я должна показать тебя Михаилу Чехову!

– Энтони?

– Нет, Антон Павлович давно умер, а его племянник живет здесь и даже дает уроки актерского мастерства. Михаил Александрович Чехов.

Видите, я даже сейчас выговариваю это с трудом, а тогда жалобно протянула:

– Можно просто Майкл?

Ответом был строгий взгляд и выговор:

– Ты можешь не говорить Александрович, но Михаил научись. Михаил Чехов – это не Майкл Чехов! Это твой Джонни Хайд может разрешать так себя называть!

Джонни Хайд в действительности Иван Хайдабура, его родители в десятилетнем возрасте привезли из России в Америку. Знаете, иногда мне казалось, что Голливуд вообще русская колония, потому что русскими были или имели русские корни почти все мало-мальски значимые люди в Голливуде, и мой Джо Шенк тоже. Михаил Чехов действительно один из немногих, кто не переименовал свое имя, переехав в Америку. Наверное, правильно, кто хотел с ним общаться, мог выучить даже «Александрович», хотя я все равно звала его Мишей, так проще. Наташа говорила, что это слишком демократично, что в России так не принято, но я не понимала, почему демократично, значит, плохо? К тому же мы не в России, а в Америке.

Это Джонни Хайд.

Не смейтесь, Док, он ангел, для меня он ангел.

Я знаю, сколько гадких сплетен и слухов ходило в Голливуде о наших с ним отношениях, знаю, как меня ненавидела его семья.

Джонни очень смешной, знаете, с чего я хотела бы начать рассказ о нем? Хайд брал с меня положенные проценты, как агент! Это тем более нелепо, что он просто содержал меня. Но у Джонни профессионализм прежде всего, он агент милостью Божьей.

Хайд маленького роста и даже по сравнению со мной смотрелся гномом, но он очень добрый гном. Джо Шенк тоже невелик, маленький и Трумэн Капоте, я в жизни встречала много невысоких людей, но они разные. Капоте вот язвительный гном, а Хайд добрый. Во всяком случае, ко мне.

Джонни влюбился с первого взгляда, втюрился без памяти! Я могу так говорить, потому что так говорили все, в первую очередь он сам. Кто для кого был игрушкой? Рядом с Хайдом я чувствовала себя какой-то здоровенной бабой, он вертелся вокруг меня, оберегая от всего, словно пытаюсь защитить своими маленькими ручками от невзгод. Джонни сразу поверил в мое будущее, но если Наташа Лайтесс твердила, что мы должны без усталости работать, чтобы чего-то добиться, что меня нужно учить играть, то Хайду не нужно ничего!

– Мэрилин, ты должна просто кое-что поправить во внешности, следить за собой и сиять на экране.

Я верила и не верила, меня не замечали на студии, а Хайд говорил о сиянии. С необходимостью следить за собой я согласна, стоило начать есть все и вволю, как на боках откладывался жирок, что при моем небольшом росте совершенно недопустимо, мои кости и так не выпирали углами никогда. Есть люди, особенно женщины, у которых, сколько ни ешь, одни углы, а есть такие, как я, – сколько ни голодай, формы при нас.

Я снова начала бегать по утрам, заниматься с маленькими гантельками – Джонни сказал, что большие брать нельзя, вырастут мышцы на руках, и все будет испорчено, а еще стала следить за своим питанием. Но тогда у меня еще был хороший желудок и хорошая поджелудочная, я их испортила позже таблетками, я это знаю, просто изменить ничего не могу.

А еще Хайд оплатил и заставил меня сделать несколько операций. Было очень страшно, но Джонни убедил, что, если не убрать чертов бугорок на носу, никакой грим не поможет. Я действительно замазывала это безобразие толстым слоем грима, но Хайд прав – не помогало. Кроме того, мне исправили овал лица, добавив в подбородок морскую губку, чтобы линия была ровнее. Сама я ни за что не решилась бы на такую операцию, это все Хайд.

Знаете, какой был шок, когда в зеркале после операции вместо маленького, аккуратного носика, какой мне было обещано, отразилась огромная синяя картофелина!

Голос врача спокоен:

– Прекрасно! Все отлично, у Вас хорошенький носик.

– Что это?!

– Это отек, он быстро пройдет. И на подбородке тоже.

Дни, пока спадал отек, были просто ужасны, я ныла и ныла, страшно боясь, что так и останется, тогда мне играть только разных тетушек Гусынь, не иначе. Кто захочет снимать толстомордую уродину?

Хайд суетился вокруг, как наседка над цыпленком, уговаривал, убеждал, показывал снимки удачных операций, то и дело гладил по руке, по плечу, вытирал слезы.

Мой нынешний аккуратный носик и хороший овал лица – заслуга терпеливого и настойчивого Хайда и мастерства пластического хирурга. Губка потом растворилась, и пришлось подшивать заново, овал чуть изменился, на фотографиях это заметно, лицо словно чуть просело, но тогда я плакала от счастья.

Разве можно отказать такому заботливому поклоннику? Джонни ушел из семьи, снял для нас дом, и я переехала к нему. Он знал, всегда знал, что я его не люблю, что живу из благодарности, но Хайду было достаточно и того. Наверное, это и есть любовь – когда все понимаешь, но все равно готов для любимого человека на любые жертвы.

Какой поднялся крик! Я боялась, что он навредит, но Джонни говорил, что любой скандал идет на пользу популярности. Семья Хайда меня ненавидела, в его агентстве не терпели на дух, отворачивались даже многие знакомые. Дело в том, что у Хайда было больное сердце, настолько больное, что его еженедельно заставляли проходить обследование и требовали не напрягаться, соблюдать строгий режим и избегать любых волнений.

Неволнующийся, спокойный Хайд – это невозможно, Джонни потому и надорвал сердце, что всегда был очень беспокойным. Иначе стать настоящим суперагентом многих кинозвезд

нельзя, ему приходилось находить общий язык с такими монстрами, как Занук или Кон, убеждать, уговаривать, настаивать, пролезать в любую щелочку, пробивать двери своей напористостью. Хайд делал это всегда, но почему-то все решили, что именно со мной он надорвался. Даже близкие знакомые говорили, что, продвигая меня, Джонни угробил свое сердце. Это нечестно, потому что он был болен давным-давно.

А уж семья постаралась вылить на меня такое количество грязи, что, обращай я внимание, утонула бы в этом потоке с головой. Понимаю, они очень боялись, что я оттяпаю все деньги Хайда (а он был миллионером!), что Джонни все завещает мне, тем более Хайд вел разговоры о завещании со своим адвокатом. Док, адвокаты, как психоаналитики или гинекологи, они вроде ничего не выдают из своих тайн, но намеками рассказывают о клиентах столько, что и выдавать не нужно.

Вы психоаналитик? Но ведь я говорю правду, Док. Что-то подсказывает мне, что у Вас тоже были случаи, когда чужие секреты становились достоянием гласности по Вашей вине. Док, только не подумайте, что я осуждаю! Нет, нет! Я вообще ничего не хочу знать о Ваших делах, так легче. Простите за невольную обиду.

Док, я хотела спросить только вот что: можно я посоветую вот такой способ работы с клиентами своему психоаналитику доктору Гринсону. Он замечательный, умный, добрый... Посоветую клиентам наговаривать на магнитофон, а потом отдавать ему для прослушивания. Можно? Я не скажу о Вас ничего, пусть считает, что это я придумала. Или нужно честно признаться, чья идея?

Это я ходила в ванную закрывать кран, потому выключала магнитофон. У меня противная домоуправительница – Мюррей, я согласилась на ее помощь, потому что она похожа на мою любимую тетю Энн, но похожа только внешне. Вообще-то это сплав Наташи, Полы и, что самое страшное, – доктора Крис в одном лице. Я потом Вам расскажу о них всех, поймете, какой кошмар жить под приглядом вот такой домашней фурии. Как теперь избавиться, даже не знаю...

Но сейчас я вернусь к Хайду, потому что могу просто забыть, что рассказывала, а что нет. Я вдруг подумала, что научилась у Артура Миллера все раскладывать по полочкам и анализировать. Нет, я анализирую и с Гринсоном, но это как-то иначе, он больше разбирает мои детские страхи, а с Вами я сама, и это вселяет в меня уверенность.

Так вот Хайд...

Мы с Джонни жили вместе, и он старался вести себя как хороший любовник. Хайд думал, что если я выгляжу сексуально, то должна только о сексе и думать. Почему-то никому, даже тем, кто прекрасно меня знает, не приходит в голову, что к нему (к сексу) почти равнодушна. Наверное, это потому, что первым у меня был Джимми Догерти.

Ужасно, но я не могла дать Хайду главного – я не могла полюбить его как мужчину. Любила как старшего брата, как мужа, но не как любовника. Понимаете, это нельзя делать рассудочно, сердце не подчиняется рассудку, сколько бы ни старалась, полюбить по решению не получается. Я не была влюблена ни в кого другого, а потому спокойно жила с Хайдом, но ему нужно было большее.

Много говорили о том, что он хотел на мне жениться, а я отказывалась. Знаете, Док... Джонни очень хотел, чтобы я стала его женой, но мы оба понимали, что это невозможно. Там было все очень сложно и даже запутанно. Я бы вышла за Хайда, но... Он был очень болен, каждое утро боялась увидеть его мертвым, тем более не так давно умерла от болезни сердца тетя Энн, я это страшно переживала. Его семья и друзья меня ненавидели, все вокруг дружно обвиняли меня в его болезни, все считали, что если Джонни умрет, то виновата буду я.

Но главное не это: мы понимали, что стоит мне стать миссис Хайд, как на меня ополчатся все и никто на студию не возьмет вообще. У Хайда был почти миллион, это позволило

бы мне безбедно жить и не бегать, выпрашивая роли. Почему-то считалось, что получить эти деньги я могу только став его женой. Но почему? Это нелепо, ведь Джонни мог просто назвать меня основной наследницей в завещании или даже заранее перечислить эти деньги на мой счет. Никому не приходит в голову поинтересоваться, почему он этого не сделал. Да, говорил с адвокатом, но ведь так и не назвал меня наследницей, даже когда лежал в больнице перед смертью, всего лишь просил свою помощницу Халловой, чтобы его семья относилась ко мне как к родственнице. Это было нелепо, потому что меня просто ненавидели, и изменить их отношение ко мне было так же невозможно, как мое к нему.

И все-таки он предлагал мне стать его женой, а я отказалась. Одни посчитали меня настоящей дурой, другие слишком самоуверенной зазнайкой, третьи увидели в моем отказе какой-то сверхрасчет и радовались, что я проиграла. Но я не играла, Док, я правда не играла. Мне очень нужны деньги, они всегда нужны, а тогда тем более. Хотя бы часть наследства Хайди дала бы возможность забыть о хлебе насущном и учиться актерскому мастерству.

Никто ничего не понял, даже Наташа Лайтесс и близкие друзья Хайда. А ведь все так просто! Наташа считала, что я должна учиться актерскому искусству по-настоящему, серьезно заниматься, играть в театре и забыть о ролях пошлых блондинок с приоткрытым ртом и выпяченной грудью. Хайд был готов покупать мне вещи, завещать свое состояние, дать свое имя, выбивать роли, унижаться ради меня перед властью имущими в Голливуде, он готов был угробить ради моего будущего свое сердце, свою жизнь, но он категорически не желал, чтобы я становилась драматической актрисой!

Док, понимаете разницу? Джонни не считал меня способной играть роли вроде Корделии или Грушеньки, говорил, что Электра не для меня, что я комическая актриса, что мне нужны роли, в которых я бы позволяла собой любоваться. Я не хотела просто позволять любоваться своим телом. Хайд злился:

– Не телом, Мэрилин, а своей аурой, понимаешь, у тебя есть аура, притягивающая к экранам всех. Это скоро заметят, не могут не заметить на студиях, ты будешь нарасхват, несмотря на всю ненависть руководителей! Мэрилин, не стоит окунаться в серьезное искусство, оно хорошо, но не для тебя. Не всем быть великой Дузе, это не твое.

Я обижалась:

– Не хочу быть просто глупой блондинкой! Не хочу просто демонстрировать свою ауру на экране! Я хочу играть, Джонни, играть, понимаешь?!

Он понимал, но слишком любил меня, чтобы откровенно сказать, что я бездарь. К тому же Наташа в это время твердила совсем иное: для актера главное школа, которая сможет проявить его божественную искру. Только серьезная, упорная учеба способна явить миру Мэрилин-актрису, а не просто красотку. Наташа с Джонни учили противоположному, и просто наступила минута, когда мне пришлось выбирать.

Я хотела играть, а значит, учиться, я хотела стать божественной Дузе, а не блондинкой с аурой. И я ушла от Джонни, сказав, что подвергаю его здоровье опасности.

И все-таки почему он не сделал меня миссис Хайд и наследницей своих денег? Когда Джонни сказал, что я должна сделать операцию по перевязыванию труб, чтобы не делать аборты, я категорически отказалась. Это означало не иметь детей совсем.

– Ты надеешься иметь детей? Мэрилин, ты сделаешь такое количество абортов, что никаких детей не будет.

Я не хотела верить Джонни, хотя тогда о детях не думала, просто не желала, чтобы меня воспринимали только как красивую куклу.

– Я оставлю тебе свои деньги...

Я отказалась от его денег и права называться миссис Хайд, твердя, что всего добьюсь сама и стану актрисой, высокооплачиваемой актрисой.

– Только не стремись играть сложные роли, не стоит, тебе будет трудно.

– И трудные роли тоже играть буду, Джонни. Я научусь.

Он сокрушенно покачал головой:

– Я думал, ты умная девочка...

Но я точно знала, что после этого разговора Джонни стал уважать меня больше. Я переехала к Наташе, а он забегал по кабинетам руководителей студий с удвоенным азартом, стараясь раздобыть мне роль, в которой я смогла бы покорить Голливуд.

Шенк считал меня душой, удивляясь моему упорству:

– Мэрилин, ну что тебе стоит немного побыть миссис Хайд, ведь ты же все равно спишь с Джонни.

Я не понимала, чего не понимают они:

– Сплю, просто сплю, причем когда захочу сама. А став миссис Хайд, перестану себя уважать. Получится, что Джонни купил меня.

Джонни не покупал меня, хотя дарил дорогие подарки, например норковый палантин, который я потом продала, чтобы помочь Наташе, когда ей срочно понадобились деньги.

Я не знаю, чем Хайд все же взял Занука, наверное, даже у железного Даррила дрогнули нервы при виде едва живого Джонни, и он согласился на мои съемки в небольшой роли. Хайд просил долгосрочный контракт, но Занук поставил условием сначала маленькую роль, видно не желая рисковать.

Ах, если бы не Джонни, я никогда не сумела бы пробиться на экран, никогда! Он уже знал, какую роль я буду играть. Потом расскажу о съемках этого фильма и о своей роли, она важна, хитрый Хайд точно подобрал фильм и роль. Узнав, что Джозеф Манкиевич готовится к съемкам фильма по роману Орра «Мудрость Евы», фильм потом назвали «Все о Еве», он настоял, чтобы Манкиевич дал мне роль мисс Кэсуел.

Сначала я даже сопротивлялась, это было настолько далеко от того, чему меня учила Наташа Лайтесс и о чем мечтала я сама, что брало отчаянье. Снова проходная эпизодическая роль почти никчемной блондинки, к тому же не слишком успешной актрисы. Понимаю, что нет маленьких ролей, есть плохие актеры, но снова эпизоды, снова на задворках, снова блондинка...

Хайду стоило труда уговорить сначала Занука, потом Манкиевича, а потом меня. Сейчас мне стыдно и горько, когда вспоминаю усилия Джонни и то, как я сама им противилась. Он внушал: лучше сыграть проходную роль в фильме режиссера, уже имеющего «Оскара», чем заглавную в фильме, который через день после выхода на экраны забудут не только зрители, но и критики. Синица в руках предпочтительнее журавля в небе!

Я хотела журавля, даже не одного журавля, а целый журавлиный клин, я жаждала успеха, оглушительного, жаждала, чтобы мной восхищалась вся Америка, и не желала перебиваться эпизодическими ролями, даже в фильмах оscarоносных режиссеров. Хайд настоял, убедил всех, и Занук заключил со мной договор на неделю съемок с оплатой 500 долларов в неделю. Снимали мы чуть больше, но это не важно.

– Мэрилин, пойми, это начало, Занук допустил тебя на студию, после фильма он заключит с тобой опционный контракт на семь лет!

– У меня уже был контракт на семь лет, который попросту не стали продлевать через год. Джонни, мне нужен не контракт, а роли!

– И роли будут, только не опускай руки, только работай над своей внешностью.

И снова Хайд говорил о внешности, он открыто твердил, что я смогу добиться успеха как Мэрилин Монро, но совсем не как Норма Джин или драматическая актриса. Я не могла ссориться с Джонни, а чтобы он не понял мое разочарование, старалась не так часто с ним встречаться.

К сожалению, это получилось довольно легко, потому что Хайд все же попал в больницу, куда меня по распоряжению родственников просто не пускали.

Фильм сняли, Хайд оказался прав во всем: после съемок Занук согласился подписать со мной долгосрочный контракт, который Джонни успел подготовить, но не успел увидеть подписанным. К едва живому Джонни приехал его брат Алекс, он был настроен против меня, требовал, чтобы Джонни не оставлял мне и цента. Мне не были нужны деньги Джонни, мне нужен был он сам. Как в дни болезни я жалела, что не слушала своего наставника! Ведь если бы я оставила в покое свои мечты о славе, вышла за него замуж и увезла куда-нибудь, где он мог подлечить свое сердце, может, Хайд и был бы жив?

Хотя, размышляя сейчас над всем этим, я понимаю, что сам Хайд не смог бы жить в сельской глуши, спокойно наблюдая, как по небу плывут облака, и слушая, как щебечут птицы. Такая жизнь не для Джонни, он жил, пока работал, и то, что последней работой оказалась я, хоть и ускорило его гибель, но не было ее основной причиной. У Джонни уже было надорванное сердце.

И все же в его болезни и гибели обвинили меня. Брат относился ко мне еще хуже, чем бывшая жена и сын Хайда, это он распорядился не пускать меня в палату даже тогда, когда сам Джонни звал меня. Мне потом рассказывала Дона Халловей, что Джонни просил хотя бы попрощаться. Они попытались не пустить меня и на похороны, но мы с Наташей обманули охрану и сумели туда попасть. Мне было плевать, что могут выгнать с позором, мой Джонни умер, и я рыдала на его могиле как сумасшедшая. Никто не посмел прогнать меня. Все ушли, а мы с Наташей сидели дотемна, пока служащие кладбища не попросили прочь.

Мне было совершенно все равно, кто и что подумает, считают ли меня распутной, развратной захватчицей. Я ничего не получила по завещанию Хайда, а все подаренное им оставила в доме, из которого выехала, мне не было нужно ничего, потому что не было самого Джонни.

Но я не могла не корить себя. Понимаете, Док, у Джонни было слабое сердце, если бы он не переживал из-за меня так сильно, то мог бы прожить еще. Но больше всего я корила себя за то, что не прорвалась к нему в больничную палату. Нужно было раскидать всю охрану, зубами загрызть всех, кто мешал, но пробиться! И пусть бы потом хоть в тюрьму сажали. Но я отступила, не стала сопротивляться, понимаете, я предала Джонни! А он так звал меня!

Док, да я плачу, я всегда плачу, когда вспоминаю, что он звал меня и не мог дозваться. Джонни, который как никто другой всегда приходил мне на помощь, который последний год жил только ради меня, моих будущих успехов, который верил в меня, звал, а я испугалась охраны!

Вы не представляете, в какое я впала отчаянье, когда услышала об этом от Халловей. Весь мир перестал существовать, ничто не казалось важным и нужным.

Наташа обнаружила меня в спальне (хотя вообще-то я спала на тахте в крошечной гостиной ее квартирке) с полным ртом таблеток, которые не удалось проглотить без воды, а идти в кухню за водой я не рискнула, чтобы не передумать. Она должна была вернуться много позже, но что-то почувствовала и отменила занятие.

Наташа рассказывала, что, увидев у меня во рту вязкую розовую массу, сначала едва сама не потеряла сознание, но потом решительно разжала мои зубы, вызвала рвоту и основательно промыла желудок. Я не успела проглотить много снотворного, довольно быстро пришла в себя и принялась убеждать перепуганную наставницу, что вовсе не собиралась кончать жизнь самоубийством, а лишь хотела заснуть.

Вспоминать это очень тяжело, не так часто в моей жизни встречались те, кто помогал и заботился, как Джонни Хайд, практически ничего не требуя взамен. Я не могу больше вспоминать сегодня...

Вы разрешили мне говорить на любую тему, какая придет в голову. Знаю, все психотерапевты разрешают, а потом долго объясняют тебе самой, что значат твои мысли, твои страхи и сам выбор темы.

Я поняла, почему меня так тянет исповедоваться именно Вам. Вы есть, и Вас, простите, словно нет. С любым психотерапевтом невольно ведешь диалог. А диалог – это зависимость, если я откровенно рассказываю кому-то о своих проблемах, своих чувствах, своих переживаниях и жду совета, как с ними справиться, то невольно либо стараюсь быть в рассказах лучше, чем есть, и немного врать, либо попадаю в полную зависимость от выводов и оценок психотерапевта.

Это тяжелая зависимость, я не хочу ее, она губительна.

Не знаю, слушали ли Вы мои записи или действительно не слушали, но Вы не навязываете мне свое видение проблем, я разбираюсь сама, и это главное. Док, я вдруг поняла: Вы верите, что я достаточно умна и способна сама справиться?! Тогда Вы единственный, кто верит. Спасибо.

Док, привет!

Сегодня у меня прекрасное настроение, и я не собираюсь ныть, обвиняя всех мужчин в неправильном ко мне отношении.

Хотите, расскажу, как проходили пробы на роль в «Асфальтовых джунглях»? О, это замечательно, к тому же именно этот фильм сделал наконец меня заметной (хотя в титрах меня просто забыли указать!).

Роль раздобыли совместными усилиями Джонни и Люсиль. Все просто, сначала Хайд узнал о том, что Джон Хьюстон готовится на «Метро-Голдвин-Майер» к съемкам такого фильма, потом подключил Люсиль, которая очень хотела мне помочь, и они уже вдвоем поднажали на Хьюстона.

Немалую роль в утверждении меня на роль сыграли лошади. Да, да, лошади! Совсем не потому, что я хорошая всадница или люблю скачки, но их любил Хьюстон, а своих ирландских лошадок держал на ранчо Люсиль. Он основательно задолжал Кэрроллам за аренду конюшни и мог бы поплатиться лошадьми, но Люсиль милостиво разрешила ему отсрочить плату, посоветовав при этом взять меня на роль Анджелы. К тому же Хайд занимался юридической стороной дел Хьюстона.

Разве можно было отказать двум столь важным людям, от которых напрямую зависишь, тем более речь шла об эпизодической роли всего в двух эпизодах. Хьюстон махнул рукой и согласился. Я-то не знала, что все уже решено, думала, что меня пригласили просто на прослушивание, и едва не умирала от страха. Почему Хайд не предупредил, не знаю, наверное, чтобы не держалась слишком самоуверенно и постаралась показать себя в лучшем виде.

Это выглядело уморительно.

Джон Хьюстон, внимательно оглядев меня не просто с ног до головы, но и со всех сторон, удовлетворенно хмыкнул и милостиво разрешил прочесть отрывок из сценария. В кабинете были он и продюсер фильма Артур Хорнблауэр, но не было дивана, на котором по сценарию должна располагаться Анджела в тот момент. Я не поняла, что они просто хотят послушать мой голос, и, наученная Наташей Лайтесс, желала выразить все эмоции, положенные по замыслу автора.

– А можно я лягу на пол?

У обоих глаза полезли на лоб:

– Зачем?

– Здесь нет софы, а текст лучше произносить лежа. Знаете, он так будет звучать куда убедительнее...

Мне позволили разлечься на ковре. Но показанное меня не удовлетворило, почти со слезами на глазах я попросила разрешить прочесть еще раз. И снова недоумение, но мне разрешили.

Думаете, меня после таких стараний утвердили на роль? Черта с два! Хьюстон не видел во мне звездности, даже давление Хайда и Люсиль не помогло. У него была уже подобрана актриса на эту роль – Лола Олбрайт. Хитрый Хьюстон понимал, что Люсиль не решится прибегнуть к откровенному шантажу и не продаст его лошадей, не такова у нее натура, хотя для вида согласился на повторный просмотр.

Тогда Люсиль схитрила, она сообщила генеральному директору студии Луису Майеру, что в такой-то день и такое-то время у Хьюстона состоится важное прослушивание актрисы на важную роль.

– Никаких диванов и ковров на полу! И одеваться сама не смей! Вырядилась как завязанная шляха! Выглядеть сексуально вовсе не означает оголяться до талии или задира́ть юбку, укладываясь на ковер.

Люсиль бушевала долго, закончилось все походом к парикмахеру, долгими репетициями с Наташей и моим появлением перед Майером и Хьюстоном уже в совершенно ином виде. Я не укладывалась на пол, не пищала, но пыталась вспомнить себя с Шенком, потому что по роли любовник примерно на столько же старше моей героини – молодой секретарши, которая должна обеспечить алиби, подтвердив его присутствие в своей постели в определенное время.

Перед Майером, который пришел на просмотр, и Хьюстоном, который сидел с недовольным видом, я читала монолог Анджелы, которой сообщили, что она вскоре отправится в морской круиз. О, это великолепный монолог, хотя и очень коротенький, что хорошо, на пробах я длинный просто не выдержала бы, да и на съемке тоже.

– Ты только вообрази меня на пляже в моем зеленом купальнике! Боже милый! Я ведь чуть не купила белый. Нет, он великолепен, но не был бы таким классным. Пойми меня правильно, если бы я хотела чего-то суперклассного, я бы купила что-то французское! О... представляю: девочки, бегом ноги в руки, флотилия причаливает!

Глупость? Но я продемонстрировала изменение настроения героини от сознания, что вот-вот останусь одна, потому что моего покровителя просто посадят, до восторга из-за обещания попасть в круиз, если я обеспечу ему алиби. Конечно, обеспечу, что за вопрос, мне нетрудно сказать, что он валялся в моей постели, это часто бывало. А потом круиз... зеленый купальник, синее море и я – неотразимая и желанная!

Майеру откровенно понравилось, он повел бровью, и Хьюстону пришлось согласиться на мое участие в фильме. Хитрая Люсиль еще и осторожно добавила, что Лола Олбрайт требует за свое участие полторы тысячи долларов, а мне можно заплатить меньше.

Не знаю, видели ли Вы фильм, возможно, и не видели, хотя он получил «Оскара», вообще-то это довольно мрачный пример «черного» кино, и моя героиня Анджела Финлей была едва ли не единственным светлым и даже немного смешным пятном в разливе желчи и тоски.

Наташины наставления помогли, я действительно вспомнила и пожилого Шенка в первом эпизоде (когда должна играть, лежа на тахте), и свой страх перед полицейским в последнем эпизоде, когда приходится сначала врать, а потом сознаваться на допросе. Я впервые играла, действительно играла! Наташа при этом стояла в углу площадки и кивала мне в знак поддержки. Думаю, что, будь у меня не два, а десяток эпизодов, Хьюстон ни за что не согласился бы иметь такую помощницу.

Знаете, что мне предстояло играть? Сначала недовольство вторжением полицейского. Наташа требовала от меня действительно почувствовать раздражение и показать это ощущение. Героиня готова немного потерпеть, считая, что вполне достаточно сказать полицейскому пару слов о пребывании главного героя в ее постели и можно собираться в круиз. Но полицейский вовсе не глуп, он легко подловил Анджели на вранье, вот тогда девушка перепугалась и принялась попросту флиртовать с ним, а потом откровенно призналась, что спала одна. В конце концов ее покровитель явно попадет в тюрьму, на его покровительство и круиз рассчитывать не стоит и ссориться с законом ни к чему.

Я вспомнила, что Джимми Догерти теперь работает в полиции, конечно, не расследует преступления, но все же представила, что сначала он вторгается в мою нынешнюю жизнь, а потом уличает меня во вранье. Это несложно, потому что, появившись Догерти, я бы не стала рассказывать, что меня преследуют неудачи, а разоблачить меня не представляло труда.

Наташа Лайтесс права – если чувствовать то, что чувствует героиня, становится очень легко играть. Я сыграла! И мое имя появилось в титрах, правда, в самом конце длинного списка.

Завершив съемки своей крошечной, но такой важной роли, я вопила:

– Наташа, я сыграла! Я знаю, что отыграла отлично!

А моя наставница вовсе не захлебывалась от восторга, она просто сказала, что я все сделала правильно. Оставалось выслушивать поздравления Хайда и Люсиль. А еще ждать одобрителльные отзывы прессы.

Их не было! Представляете, Док, всего одна-единственная журналистка заметила меня в фильме! «Асфальтовые джунгли» номинировали на «Оскара», но Мэрилин Монро была совершенно ни при чем. Хьюстон просто пожал плечами:

– А чего вы ожидали, чтобы за два эпизода и ей преподнесли статуэтку?

Конечно, бывало, что и за два эпизода давали, ну, может, не два, но актеры получали «Оскар» за роли второго плана, а меня даже позже, когда я стала самой знаменитой блондинкой Америки, на статуэтку ни разу не номинировали. Меня не любил не только Занук, но и все руководство Голливуда. Почему? Не знаю, но деньги я принесла студиям огромные.

Знаете, что сделали на МГМ? Они не продлили со мной контракт! Глава производства «Метро» Доур Шейри посчитал меня нефотогеничной.

Джонни, сообщая мне эту новость, думал, что я зальюсь слезами, но я... расхохоталась:

– Он неодинок, это же мне сказал Занук, вышвыривая из «Фокса».

– Мэрилин, они не правы, они скоро пожалеют, очень скоро! Ты будешь звездой!

«Оскара»... мне?! А я в купальнике...»

Милый Хайд, он так любил меня, так в меня верил! Даже сумел выторговать еще две эпизодические роли с парой слов в каждой, причем я вовсе не была уверена, что эти эпизоды не вырежут при монтаже, во всяком случае, моего имени в титрах не было.

Хороша звезда!

– Джонни, я стремительно становлюсь звездой вырезанных эпизодов, еще лет десять, и их перестанут вырезать из картин, а меня даже упомянут в титрах как ветерана массовки.

Я смеялась, что еще оставалось делать? Шли годы, а я не двигалась дальше эпизодов, и те приходилось выбивать с боем и хитростью. На каждой студии уже была своя блондинка, и второй не требовалось. Но ведь и брюнетки тоже были! Черт возьми, что же, сидеть без дела в ожидании смерти кого-то из них или устроить кому-нибудь автомобильную аварию?

Я пыталась понять, как оказываются в главных ролях другие актрисы, как рождаются звезды? И ничего не понимала.

Наташа с Джонни советовали не отчаиваться и повышать свое мастерство. Интересно, Док, но каждый из них словно отвечал за одну мою половину – Хайд за внешность, а Наташа за наполнение, и каждый тянул в свою сторону.

Наташа учила работать над жестом, чувствами, советовала, что прочесть, какие выставки посетить, Джонни требовал следить за фигурой и ходил со мной по разным приемам. Я уже рассказывала Вам, что с его помощью сделала две операции, поправив нос и подбородок, осветлилась окончательно, укоротила волосы и под его влиянием снова начала бегать по утрам, заниматься с маленькими гантелями и прекратила есть что попало.

– Мэрилин, либо гамбургеры, либо талия!

Сам Хайд не мог составить мне компанию в пробежках, но следил, чтобы не пропускала.

Снова тянулись непонятные, хотя и весьма занятые дни, когда я проводила немало времени то в студиях фотографов, то в книжных магазинах, то на приемах, то в парке в спортивной одежде... Только теперь я не позировала на природе с овечками в обнимку, не лазала по горам и не стояла на лыжах, меня фотографировали в роскошных вечерних платьях, я демонстрировала бриллианты... Хайд был доволен:

– Видишь, малышка, это потому, что ты выглядишь приличной дамой, а не девчонкой из соседнего двора.

– Но при чем здесь кино?

– Мэрилин, они скоро поймут свою ошибку и пожалеют о ней!

– Джонни, ты единственный, кто в это верит!

Я все-таки расскажу Вам о фильме «Все о Еве», это последняя роль, которую для меня сумел раздобыть Хайд.

– Поверь, девочка, после этой роли не заметить тебя просто не смогут.

(Часть записи испорчена, и восстановить ее не удалось. Судя по отдельным сохранившимся словам, речь шла о съемках в фильме «Все о Еве». Сам фильм успешен, даже получил «Оскара», а игра Мэрилин отмечена критикой как удачная. Мэрилин Монро играла эпизодическую роль начинающей актрисы, готовой ради успеха на многое. Роль не принесла ей ни дивидендов, ни славы, ни даже продления контракта со студией. – Прим. пер.)

Меня все время ругают за опоздания на съемки. Никто не понимал, почему я заставляю ждать целую съемочную группу. А все очень просто – из-за страха. Да, да! Я очень боюсь камеры. Вернее, даже не камеру, я боюсь играть. Команда «Мотор!» повергает в ступор, а необходимость выйти под осветительные софиты и на глазах у десятков людей кого-то изображать вызывает дрожь в коленках.

Мне нужен кто-то, кто взял бы за руку и вывел на площадку. Так иногда делала Наташа Лайтесс, но очень быстро это стало мешать, я прямо в кадре вдруг начинала искать взглядом Наташу, чтобы увидеть ее одобрение или замечание. Я уже об этом рассказывала. Очень легко было с Билли Уайлдером, хотя я знаю, что актеры не слишком любят его манеру работы с актерами. Мне она нравилась. Я оказывалась на площадке как-то незаметно, и съемка начиналась тоже между прочим. Поэтому паники внутри меня не было, реплики запоминались и произносились легко...

Я не хочу рассказывать о себе последовательно, потому что то и дело возвращаюсь к одним и тем же фразам и мыслям. Лучше по-другому.

Сегодня тема предательства и разрыва отношений. Можно?

Я много расставалась. Не представляю ощущения людей, которые долгие годы живут одной семьей, любят одних людей, заботятся друг о друге. Наверное, это правильно, но у меня все наоборот, все временно. С тех самых дней, когда меня стали передавать из семьи в семью, я привыкла, что любая душевная и духовная связь ненадолго, любой дом временный, любая семья тоже.

Это сказалось и на моих отношениях с людьми, даже мужчинами. Я очень быстро привыкаю и так же легко расстаюсь и забываю.

(Пропуск на пленке, возможно, стерт намерено. О чем была запись, не ясно. – Прим. пер.)

Если я скажу: «Занук», Вы не вздрогнете? Я еще не надоела Вам этим именем? Если хотите услышать историю моей жизни дальше, придется терпеть и имя Даррил Занук.

Когда умер Джонни Хайд, у Занука рука не поднялась разорвать готовый, хотя еще не подписанный со мной контракт на семь лет с 500 долларами еженедельно. Он выполнил свое обещание Хайду, принял меня на студию, причем это уже была зарплата не старлетки, а актрисы и для меня означала вполне приличное существование.

Но на этом Даррил Занук свои обязательства перед Хайдом и передо мной тоже посчитал выполненными. Заключение контракта вовсе не означало давать играть. Нелепо? Как можно не давать играть актрисе, оплачивая ее пребывание на студии? Я прекрасно понимала, что через полгода Занук просто не продлит контракт с актрисой, имя которой не числилось ни в одном заявочном списке режиссеров «Фокса». Больше не было Джонни Хайда, который сумел бы разыскать подходящий сценарий и убедить режиссера вопреки мнению Занука взять меня на роль, пусть даже эпизодическую.

Нет, Занук вовсе не запрещал меня снимать, он меня не замечал, демонстративно не замечал. Знаете, это особого рода издевательство, вся студия прекрасно понимала, что руководитель производства всемогущий Даррил Занук не желает, чтобы меня снимали, хотя он этого вслух и не произносил. Умные люди умеют читать между строк и слышать произнесенное, а глупых на студиях вроде «Фокса» не держат.

Заступаться за меня некому, и ни один режиссер не рисковал ради какой-то блондиночки, пусть и симпатичной, идти против воли Занука. Сам Даррил Занук не видел во мне ничего, что могло бы заставить его желать помочь. Наверняка, он уже забыл о моем отказе явиться к 16.00, просто помнил, что я ничтожество. «Пустая причуда Хайда» – так он выразился в разговоре с одним из руководителей студии.

Положение было отчаянным, как я ни старалась хорошо выглядеть, бегала по утрам, следила за своим весом, очень много занималась с Наташей, а потом и в студии у Михаила Чехова, для «Фокса» я не существовала. Но это означало, что не существую и для всех остальных сту-

дий тоже. Понимаете студийную зависимость? Новое лицо на экране всегда риск, я это прекрасно знала. Приглашать на приличные роли актрису, которой не находят таковых на собственной студии, никто не будет. Всегда вставал вопрос: а почему ее не используют у «Фокса»? Все верно, если никто из режиссеров «Фокса» или «Коламбии», на которых я снималась в эпизодических ролях, не нашел для меня чего-то приличного в других картинах, то к чему вообще вспоминать о такой актрисе?

Вот когда я осознала, что потеряла со смертью Джонни Хайда! Это был не просто любовник, друг и наставник, это моя палочка-выручалочка, Джонни давно бы уговорил кого-нибудь снять меня. Мало того, в агентстве Хайда тоже считали меня виновной в смерти Джонни, а потому вовсе не желали заниматься моими делами. Положение хуже не придумаешь: актриса, которую не любит Занук, не имеющая агента и уже в возрасте. Похоже, все в Голливуде стали считать, что я просто причуда Хайда, но Хайда не было, и никто не собирался потакать его бывшей причуде.

Я пятый год работала в Голливуде, хотя «работала» – это условно, скорее числилась. И за пять лет с десятком ролей, о которых критики просто не вспоминали, в фильмах, которые зрители забывали на следующий день после премьеры. Кто я? Что я? Иногда возникал вопрос, что я вообще в Голливуде делаю, кроме ожидания? Но ждать можно бесконечно...

Наташа учила и учила актерскому мастерству, но к чему это мастерство, если на съемочную площадку не допускают?

Конечно, в Голливуде у меня были друзья, даже такие, кто не считал меня виноватой в смерти Хайда. Один из приятелей – Сидней Сколски. Тоже достаточно взрослый, тоже с русскими корнями, Сколски занимался репортажами из Голливуда, а по сути, просто сплетнями. С Сиднеем мы были знакомы еще со времен моих съемок для журналов в «Синей книге», и теперь в Голливуде он один из немногих пришел мне на помощь после смерти Хайда. Не знаю, считал ли Сколски меня способной актрисой тогда, но он стал создавать вокруг меня шум. А еще он все-таки рискнул посоветовать Зануку использовать именно мою внешность, а не способность играть. Мне так хотелось на съемочную площадку, что я была готова и на это, но даже роли безголосых статуй не предлагали. Бывали минуты, когда я мечтала о роли дамы с собачкой, нет, не чеховской, о которой столько рассказывала Наташа, а простой дамы со щенком на поводке, которая просто прошла бы на заднем плане в каком-нибудь серьезном фильме, и этот эпизод ввиду важности для главных исполнителей не вырезали. Какая уж тут Нора Ибсена!

Извините, я ненадолго отвлеклась, пришлось сходить на кухню за стаканом апельсинового сока. Я очень люблю сок, а Вы?

Так вот, помог мне именно Сколски, но не уговорив Занука (мне казалось, что это вообще невозможно), а дав дельный совет.

Весной 1951 года руководство «Фокса» устраивало прием для прокатчиков. Занук ворчал, мол, до чего дошло, раньше прокатчики выстаивали очереди у кабинетов руководителей

студий, чтобы выразить свое низжайшее почтение, а теперь приходится ублажать их. Что-то там действительно произошло на государственном уровне, я мало этим интересовалась, но теперь студии не могли навязывать прокату фильмы в нагрузку, те имели право выбирать. Это означало, что множество пустых картин просто невыгодно снимать и за каждый фильм, который попадет в кинотеатры, нужно бороться уже не прокатчикам, а студиям. Понятно, что в такой ситуации Зануку вовсе не до «причуды Хайда», но мне-то что делать?! Семилетний контракт вполне мог превратиться в годовой, как было с самым первым моим контрактом с «Фоксом».

Сколски призывал не унывать и воспользоваться устраиваемым приемом.

– Как?!

– Занук – это еще не весь «Фокс», на встречу с прокатчиками придет Спирос Скурас, именно он может сказать решающее слово. Постарайся обратить на себя его внимание.

Я обратила.

Помните, я говорила, что если бы от чьей-то ненависти умирали, то Занук должен бы давно быть похоронен. Хорошо, что не умирают, потому что в тот вечер погибнуть должна была бы я.

Как обратить на себя внимание, если на прием приглашены ведущие актеры и актрисы «Фокса»? Я придумала. Платье было столь откровенным и облегающим, что в нем даже двигаться трудно, но чтобы обратили внимание даже на такой наряд, потребовалось пойти на хитрость. Конечно, меня как кинозвезду никто на прием не приглашал, мне полагалось быть на нем в качестве мебели как обычной старлетке. Приди я вместе со всеми и встань в стороне, так и простояла бы в своем сногшибательном наряде на заднем плане, разве кто-то из журналистов предложил бы выпить и провести ночь в дешевом отеле.

Но я вспомнила, как являлась на приемы у Шенка, лучше всего прийти с опозданием, когда все ко всем уже пригляделось, выпили по первой, а то и второй рюмке, когда все уже не столь строги и достаточно раскованны. Нужно было только не слишком опоздать, мне это удалось.

Весь день красилась и делала прическу, десяток раз смывала макияж и накладывала снова, несколько раз переодевалась, потому что казалась сама себе толстой, неуклюжей или слишком вульгарной. Когда уже была на месте, вдруг остановила спешившего с подносом официанта, взяла фужер и решительно глотнула шампанского. Официант заговорщически улыбнулся и сделал знак, что все о'кей.

Выждав минутку за дверью, пока несколько стихнет шум, поднятый чьей-то речью, я скромно скользнула в зал и практически остановилась посередине, словно заблудившись и ища глазами знакомых. При этом, старательно изображая растерянность, я все же лучилась радостью от присутствия стольких значимых лиц.

До сих пор помню мгновенно установившуюся тишину. Она длилась несколько секунд, которые показались вечностью. Честное слово, было слышно, как с трудом проглотили комки в горле с десяток мужчин.

– В каких фильмах Вы снимаетесь и намерены сняться в ближайшее время, мисс Монро?

Мисс Монро сыграла блестяще, смею Вас заверить. Я очень-очень скромно со вздохом потупила глазки:

– Об этом лучше спросить у мистера Занука...

Помню, мелькнула мысль, что теперь либо он мне все же даст роль, либо выгонит даже ценой выплаты неустойки.

Господи, я была звездой приема! Толпа журналистов вокруг, приглашение к прокатчикам, всеобщее внимание... А потом было приглашение за стол к самому Спиросу Скурасу! Говорят, он тоже поинтересовался, в каком фильме я снимаюсь, и, услышав, что ни в каком, издал рык, который не все услышали только из-за шума вокруг меня:

– В первой же картине!

Прием сработал, и совет Сколски тоже, я получила роль в первом же запущенном фильме, но Занук остался верен себе, роль снова была не просто эпизодической, а катастрофически короткой и пустой. Ну что ж, и то хлеб, по крайней мере, можно быть уверенной, что еще на полгода контракт продлят... пока Скурас и прокатчики не забудут эффектное появление полуодетой блондинки.

И ведь забыли бы, если бы не несколько скандалов сразу. Обо мне писали не меньше, чем о звездах, снимающихся в главных ролях, мои фотографии то и дело появлялись на страницах журналов и в разных буклетах, фотографии в отличие от Даррила Занука не считали меня нефотогеничной и щелкали затворами с удовольствием. Роль дамы с собачкой я играла почти ежедневно, но только перед фотоаппаратами, а не перед кинокамерой. Масса снимков в стиле Пинап, которые так нравились американцам тех лет (да и сейчас нравятся), на них хорошенькие девушки демонстрируют стройные ножки, делали героинь съемок не менее популярными, чем актрис. Все вполне пристойно, видны только ножки до верха чулок, я никогда не снималась для картинок, на которых у девушки падали трусики, такие тоже модны.

Я понимаю, что серьезные люди не разглядывают подобные картинки, потому поясню. Это просто красивые картинки красивых девушек, сделанные на основе фотографий, то есть модель фотографировали за каким-то занятием, а потом уже по фото рисовали. Обычно ветер приподнимал юбку натурщицы и оголял ножки до уровня бедер, все пикантно, но достаточно пристойно.

И вдруг...

Я и забыла о том, что позировала обнаженной, когда сидела без работы. Получила свои совсем небольшие деньги, заплатила первоочередные долги и выбросила из головы темно-красный бархат, в котором выгибалась, как кошка.

Скандальное фото для календаря 1953 года

Но фотографии никуда не делись, они стали основой календаря на 1953 год! Том Келли продал снимки довольно дешево, тоже не получив больших дивидендов, а новые владельцы решили использовать их только сейчас. На фото внешность Нормы Джин – золотистые волосы, никакого исправленного носа или подбородка, но как раз это не видно.

Бомба взорвалась! Фотографии оказались столь красивыми (молодец Том!), что календарь расхватали, и изображения моей обнаженной фигуры висели в барах и парикмахерских. Кому пришло в голову соотнести Норму Джин на красном бархате и Мэрилин Монро, только пробивающуюся на студии «Фокс», не знаю. Рассказывали, что неизвестный позвонил Джерри Уолду, продюсеру «Ночной схватки», которому меня с видимым удовольствием «одолжила» на этот фильм студия «Фокс», и потребовал десять тысяч долларов за молчание.

Конечно, эта информация могла вызвать (и вызвала) немалый скандал, ведь там была обнаженка, пусть очень скромная, но все же. Актриса «Фокса» снимается в обнаженке для календарей, какой кошмар!

Знаете, я не понимаю людского ханжества. Мы любимся картинами великих живописцев, с восхищением разглядываем гениальные скульптуры, ахаем и цокаем языками, при этом ничуть не смущаясь, что Даная, вовсе не имеющая красивого тела, обнажена, что голые самые разные Венеры, множество богинь и богов... Почему изображение красивого тела, созданное давно, – это искусство, а красивое (я в этом уверена) тело на фотографиях, сделанных три года назад, – распутство и преступление? В снимках Тома Келли не было ничего распутного, ничего развратного, просто лежащая на красном бархате девушка, в моих позах, поверьте, тоже не было чего-то страшного. Между прочим, Тому ассистировала жена.

Если Джерри Уолда и шантажировали, то он снес это молча, не сказав о шантаже мне, хотя должен бы сделать это в первую очередь. Нет, Уолд даже не поинтересовался, действительно ли я снималась в таком виде, не рассказал никому. Именно поэтому я не поверила его рассказам и подозревала, что Элайн Мосби сообщил именно он или кто-то с его подачи.

Это вселенский скандал – попасть на язык Элайн Мосби по поводу фотографий в обнаженном виде! Мосби тут же потребовала объяснений, но, конечно, не от Уолда, а у студии «Фокс». Я была в ужасе, на студии от меня потребовали все отрицать, мол, это не я, а очень похожая на меня модель, может, пронесет.

Сидней Сколски, выслушав мои сбивчивые объяснения, рассудил иначе: все равно тайное станет явным, возможно, где-то даже зафиксировано, что на снимке именно я, если правда раскроется после моего отрицания, будет только хуже. Сколски посоветовал говорить, как было, но объяснить, что меня в тот момент могли просто выбросить на улицу за долги. Я добавила:

– И машину отобрали...

– Вот! Именно это и скажи! И не надо ничего отрицать. Жалостливее, жалостливее...

Я объявила, что скажу правду. Администратор студии едва не рухнул в обморок, уже понимая, что меня ждет за такой проступок и теперь такую непокорность. Но потом пожал плечами, в конце концов это прекрасная возможность избавиться от обузы, какой я стала.

Знаете, львы рычат, это страшно, многие животные рычат, будучи разъярены. А вот змеи шипят, и это куда страшнее любого рыка. Занук шипел. Если он мог, непременно придушил бы меня, но потом посмотрел внимательно и вдруг заявил, что можно попробовать.

Я сама позвонила Мосби и рассказала ей жалостливую историю появления календаря, который сейчас висит в каждом баре или гараже. Не знаю, поверила ли мне Элайн, возможно, нет, не столь уж она наивна, но почувствовала, что это великолепный сентиментальный сюжет для размышления, как быть девушке (сиротке!), когда у нее нет денег на жилье и возврат машины.

Конечно, это был скандал!.. Но есть скандалы, которые способствуют популярности замешанных в них куда больше любой рекламной кампании. Безо всяких усилий, лишь на моей откровенности и фильм «Ночная схватка», и студия «Фокс», не говоря уже обо мне самой, стали безумно популярны. Календари скупили за два дня после репортажа, пришлось выпускать еще и еще, теперь мое тело на красном бархате и впрямь красовалось на стене каждого гаража.

Студия тоже заказала свою партию календарей для... раздачи представителям прессы и прокатчикам. Это было нечто невиданное, вместо осуждения и повторного позорного изгнания со студии я получила сумасшедшую известность. Не рад только один человек – Даррил Занук! Я превратилась в его непрерывную головную боль, а он в мою.

Занук – предмет не просто моей ненависти, он кошмар моих снов, даже по ночам я не переставала его бояться и ненавидеть. И, между прочим, именно из-за него стала принимать повышенные дозы снотворного, Занук косвенно виноват в моей зависимости от барбитуратов.

Но, Док, это были не все скандалы. Сейчас я Вам расскажу о втором.

Знаете, чем примечателен тот период? Я наконец закрепилась на студии, состоялись многие очень важные для меня знакомства, но не менее важно и то, что я стала публичным человеком, с ужасом осознав, что каждый шаг, каждое сказанное слово, каждый поступок даже в прошлом отныне будут на виду, будут обсуждаться и критиковаться куда больше сыгранных мной ролей.

Док, это изнанка славы. Одно дело то, как ты выглядишь сейчас, что делаешь, что говоришь, с кем знакома или незнакома, кто тебя не любит. Но отвечать приходится и за то время, когда звездой не была. Вы понимаете, о чем я? Мэрилин Монро пришлось отвечать за Норму Джин, и хотя в поведении Нормы Джин ничего предосудительного не было, именно когда Норма становилась Мэрилин, можно найти немало поводов для обливания грязью.

Нашли.

Никакая она не сирота! У Мэрилин Монро, которая вообще-то Норма Джин, жива мать. А сама Норма Джин незаконнорожденная!

И снова я отказалась лгать, зачем, ведь обязательно найдется ушлый журналист, который раскопает и Джима Догерти, и Глэдис Бейкер.

Да, я не сирота, но моя мама, бывшая монтажер пленки в Голливуде, давно больна, настолько давно, что я и не помню нормальной с ней жизни (мама, прости меня, но это так). Она находится в больнице штата, но я все время помогаю ей, помогала и тогда, когда самой было нечего есть, это тоже причина, чтобы сфотографироваться лишний раз. Теперь, когда на студии у меня уже приличная зарплата, Глэдис переведена в частную клинику, и ей назначен официальный опекун. Спасибо студии «Фокс» за предоставленную возможность сниматься и зарабатывать не только для себя, но и на содержание больной матери.

Представляете, что было? Не знаю, скрипел ли зубами Занук, шипел ли или молча пил, но лучшей рекламы мне и студии не придумать. Америка простила обнаженку и наличие сумасшедшей матери, она была влюблена в Мэрилин Монро, которая так красива и так несчастна! Совершенно пустые фильмы имели великолепные кассовые сборы, потому что «там играла девушка с календаря».

На студию письма приходили уже не десятками и не сотнями, а десятками тысяч. Занук был вынужден выделить несколько человек, которые бы просто разбирали эту почту и под копирку отвечали большинству. Говорят, первое время Занук не верил, считая цифры подтасовкой, пока однажды своими глазами не увидел мешки неразобранной корреспонденции. Он рывкнул, чтобы не смели заваливать студийные помещения макулатурой, пришлось объяснять, что отдел просто не успевает сортировать корреспонденцию, приходящую мисс Монро.

Знаете, Док, я в это время спала с Элиа Казаном, он прекрасный режиссер, и я мечтала, что у него не хватит совести отказать мне в приличной роли. Но Казан такой же подлец, как все остальные. Стоп! Имею ли я право обвинять его, если сама была любовницей, не любя ничуть? Он использовал меня, как я пыталась использовать его, разница лишь в том, что ему удалось, а мне нет.

Это время, когда внутри окончательно окрепла Мэрилин.

Представьте актера, который, завлекая публику, расхаживает в огромной маске какого-нибудь сказочного персонажа, или клоуна, на лице которого нарисован большой рот, а на голове ярко-рыжий парик, или даже Чарли Чаплина с его большущими башмаками, усиками и старательно подведенными вниз уголками глаз. Вы же прекрасно понимаете, что за кулисами огромная маска будет снята, парик повиснет на вешалке, большущие туфли встанут в уголке, размалеванный рот смыт, а усики отклеены. Никому в голову не приходит, что у актера такая голова, что он огненно-рыж, или что у Чаплина ступня в полтора раза больше нормальной. Или что у него столь нелепая походка.

Меня же воспринимают только как мою роль. Только, Док! Эту сексапильную блондинку мы создали нарочно, чтобы привлечь ко мне хоть какое-то внимание, потому что заикающаяся, трясущаяся от страха Норма Джин ни за что не смогла бы стать актрисой, ни за что! И никакие занятия ни у Михаила Чехова, ни у Ли Страсберга, ни у Лоренса Оливье не помогли бы Норме Джин заставить режиссеров дать роль.

А ведь Занук видел это, он нутром чуял во мне совсем другую, вовсе не сексуальную, а очень пугливую, дрожащую, неуверенную в себе актрисочку, он видел Норму Джин и не верил, что Мэрилин Монро способна победить. Занук был прав. Но как же я его ненавидела за эту прозорливость, сама того не понимая! Думаю, что он сам не понимал, в чем дело, не понимал, что же так нравится зрителям, почему одно мое появление на экране электризует весь зал. Даррил Занук не видел актерской игры, потому что я не играла.

Слушайте внимательно, Док, это откровение, которого я не делала никому. Мэрилин Монро не играла в фильмах, она не могла играть, потому что сама образ, роль, искусственное создание! Если Вы видели мои фильмы, вспомните ли хотя бы один успешный, где Мэрилин Монро не была Мэрилин Монро? Таких нет, хороши только те роли, в которых я играла Блондинку, но стоило попытаться этой Блондинке изображать кого-то еще, как появлялась неуверенность, все старания Пола Страсберг добиться, чтобы я перестала трястись и начала играть, разбивались о мой страх. Но это было позже, а тогда Мэрилин показала свою силу, а я была довольна и напугана этой силой одновременно. Это как стоять на краю пропасти, сознавая, что шаг в пустоту будет последним, и с замиранием сердца желать сделать этот шаг...

Удивительно, но Наташа Лайтесс, которая помогла мне создать образ Блондинки, тоже ничего не понимала, она словно не видела вот этого раздвоения. Да, это Наташа помогла мне придумать походку, при которой ступни последовательно ставятся на одну прямую, пятка одной ноги почти примыкает к носку другой. При этом бедра начинают откровенно вилять. Говорят, сзади оторваться от таких бедер невозможно.

Но Наташа же меня за эту вульгарную походку и ругала, твердя, что вовсе не ради влияния задом предложила ее. Наташа помогла мне надеть образ Мэрилин, словно пальто, и, как все остальные, не желала замечать, что я хотела бы снять маску хотя бы дома, что желаю быть Мэрилин только на экране, на съемочной площадке!

Никто не желал этого замечать, никто! И до сих пор не желают.

Хорошая идея – снять фильм об актрисе, к которой так приросла ее роль, что она не может перестать играть. Это был бы автобиографический фильм о несчастной Мэрилин Монро (или Норме Джин?). Нет, я не буду снимать такой фильм, знаете почему? Потому что мне не поверят! Не поверят, что под маской Мэрилин Монро есть совсем другой человек. Боюсь, что этот человек не будет интересен зрителям, им не нужна Норма Джин, им нужна белокурая курва с глуповато приоткрытым ртом и глазами с поволокой.

Я пыталась, возвращаясь домой, снимать образ и словно вешать его в шкаф, как одежду, ходила в свитерах на размер больше, а не меньше, завязывала волосы резинкой на затылке, подвязывала косынку или надевала черный парик... Но каждый раз убеждалась, что, какой бы ни была в действительности, я всем нужна только в качестве Мэрилин. Даже Наташе, которая, казалось, должна бы видеть меня иной.

Мэрилин была в тысячу раз успешнее Нормы Джин. И дело не в том, что на нее обращивались, ей писали мешки писем, ее хотели видеть на экране, ей простили все прегрешения, даже позирование голышом. Игра на площадке Мэрилин тоже давалась легче, чем Норме Джин!

Как это? А вот так! Я страшно переживала на каждой съемке, боясь сыграть плохо или перепутать текст, то и дело плакала, покрывалась красной сыпью, меня рвало перед каждым дублем, приходилось поправлять грим, снова краситься, что нервировало остальных актеров. Опытные актеры и особенно актрисы не могли простить мне непрофессионализма, запинок, неспособности выучить, а вернее, с ходу произнести даже небольшой текст. То и дело слышалось:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.